

Тартуский университет
Философский факультет
Институт германской, романской и славянской филологии
Отделение славянской филологии
Кафедра русской литературы

**Визит И.А. Бунина в Эстонию и его
восприятие местной аудиторией**

Выпускная работа на степень бакалавра
студентки отделения
славянской филологии
Евгении Савиной
Научный руководитель –
проф. Л.Н. Киселева

Тарту
2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Бунин в Тарту: миф и реальность.....	9
1.1. Европейское турне 1935-1937 гг.	9
1.2. Источники сведений о визите в Тарту	12
1.3. Бунин в Обществе Русских Студентов.....	13
1.4. Бунин и Шумаков.....	16
1.5. В гостях у Булгариных.....	19
1.6.1. Бунин и эстонские писатели. Русско-эстонский диалог.....	21
1.6.2. Нобелевский лауреат и „король поэтов“	24
1.7. О чем молчит Шумаков.....	26
Глава 2. Выступления Бунина в Эстонии: сбывшиеся и несбывшиеся надежды	31
2.1. О Шаяляпине.....	33
2.2. О Толстом.....	37
Заключение	43
Список использованной литературы	46
Приложение 1. Хроника пребывания Бунина в Тарту	50
Приложение 2. Имя Бунина на страницах периодической печати Эстонии и Латвии	51
Приложение 3. Реконструкция содержания выступления Бунина.....	56
Kokkuvõte.....	66
Lihthitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks.....	68

Введение

Предметом нашего рассмотрения в настоящей работе станет визит первого русского нобелевского лауреата И.А. Бунина в прибалтийские страны и, в особенности, в Эстонию. Как оказывается, основной побудительной причиной для поездки пожилого писателя в гастрольное турне, стала надежда заработать денег и поправить свое весьма нелегкое финансовое положение.

Период между двумя мировыми войнами – непростое время для литературы. Мир находился под властью трех диктаторских режимов и приближался к новой войне. В таких условиях писателям приходилось трудно, особенно русским эмигрантам – в России их произведения не печатали, а европейскому читателю их творчество не всегда было близко. Зарабатывали они, в основном, переводами. Именно поэтому та борьба за Нобелевскую премию, которая развернулась среди русских писателей в 1920-30-е годы¹, стала гонкой не только за самой престижной международной наградой по литературе, за всемирным признанием, но и за материальной помощью.

В 1923 году И.А. Бунин был впервые выдвинут на Нобелевскую премию. Судя по публикациям летом 1922 года в газете «Слово», идея выдвижения принадлежала М.А. Алданову, рассматривавшего кандидатуру Бунина «как знак уважения Европы к изгнанной русской литературе»². Алдановым была предложена совместная кандидатура русских прозаиков: Бунина, Мережковского и Куприна, - чтобы она составила серьезную конкуренцию Максиму Горькому, чьи шансы на победу были велики. Бунин же был против такого союза.

Вероятно, причина нежелания объединяться с коллегами таилась и в деньгах – премию пришлось бы делить, а материальное положение писателей-эмигрантов было далеким от благополучного. Подтверждение тому, что стремление к Нобелевской премии мотивировалось материальными соображениями, мы находим в письме Бунина А. В. Тырковой-Вильямс:

¹ См.: *Юнгрен М.* Русские писатели в борьбе за Нобелевскую премию // На рубеже веков. Российско-скандинавский литературный диалог: Докл. межд. науч. конф. Москва, 23–27 апреля 2000 г. М., 2001.

² Слово. 1922. № 4. 17.06. С. 2. Цит. по: *Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901-1955). Кёльн, 2007. С. 292.

«Дорогая, не поможете ли мне статейкой обо мне в *Таймс*, хотя бы самой маленькой? Предлог – то, что меня, дай Бог не сглазить, стали много переводить: в Америке скоро выйдет два моих тома, идут разговоры с Японией; первый том моих сочинений по-немецки (издательство Фишера) разошелся *в три недели*; о французах Вы знаете; шведы тоже переводят... Простите и поймите меня: не в славе дело, а в голоде. Премия была бы спасением. За переводы получаю все же гроши»³. Из этого же письма мы видим, что творчество Бунина к началу 1920-х гг. еще не было широко известно европейскому читателю, а чтобы получить международную награду, сначала нужно было заручиться и поддержкой публики. М. Юнгрен подробно описывает усилия шведских славистов по переводу произведений Бунина на шведский язык (без чего присуждение премии было также невозможно) и по популяризации его творчества в Европе.

Наконец, 10 декабря 1933 г. Иван Алексеевич Бунин, первым среди русских писателей, стал нобелевским лауреатом «за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы»⁴. Однако став обладателем премии, Бунин смог поправить свое положение лишь на короткий срок. На вопросы о «нобелевских» деньгах лауреат отвечал журналистам следующее: «...как только я получил премию, мне пришлось раздать около 120000 франков. <...> Знаете ли вы, сколько писем я получил с просьбами о вспомоществовании?»⁵. Не удивительно, что «нобелевские» деньги стремительно растворились, к 1935 году от 170000 шведских крон почти ничего не осталось, и очень скоро писателю пришлось искать другие источники дохода. Бунин стал ездить по Европе для налаживания связей с издательствами. Другой способ поправить свои финансовые проблемы писатель видел в литературных чтениях.

Визит в страны Балтии с этой целью планировался сразу после получения премии, но тогда поездка не состоялась. Редактор рижской газеты «Сегодня» известил писателя о том, что рассчитывать на заработок не приходится из-за больших налогов. Визит в Прибалтику в 1938 г. стал заключительным этапом в его турне по Европе. Нобелевский лауреат побывал в Литве (в Каунасе), Латвии (в

³ «Вы – друг старый и верный...» Письма И.А. Бунина к А.В. Тырковой-Вильямс / Публ. Р. Янгирова // Минувшее. Исторический альманах. 1994. Кн.15. С. 173. Цит. по: Марченко. С. 296.

⁴ Официальная номинация Нобелевского комитета: The Nobel Prize in Literature 1933. Nobelprize.org. 26 Mar 2012 http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/1933/index.html

⁵ Сегодня. 1938. 29 апреля. № 118.

Риге и Даугавпилсе) и Эстонии (в Тарту и Таллинне). В его программе было два доклада - «Встречи с моими современниками» и «О любви» (чтение рассказов «Сын», «Про обезьяну», «Кавказ»).

Настоящая работа будет сосредоточена на чтениях Бунина в Эстонии. Здесь нобелевский лауреат делился воспоминаниями о своих современниках – Ф.И. Шаляпине и Л.Н. Толстом. Одной из целей данной работы является реконструкция содержания выступления писателя. Также мы попытаемся понять, почему нобелевский лауреат прочел именно эти воспоминания, что он хотел сказать публике, и как восприняла это выступление местная аудитория. Также стоит отметить, что воспоминания Бунина не так хорошо изучены. В свете этого, для нас представляется особенно важным установить, какие именно тексты о встречах со своими современниками читал автор во время своего литературного турне. Кроме того, в данной работе поездка Бунина в Прибалтику будет рассмотрена в контексте предшествующего тура по Европе. Писатель очень любил путешествовать по миру, однако в середине 1930-х Бунин отправился в дорогу вынужденно. Опыт его европейского турне дает нам возможность понять, с какими ожиданиями писатель отправился в прибалтийские страны.

Актуальность данной темы обуславливается рядом факторов. Если с точки зрения самого Бунина визит в Прибалтику, как нам представляется, занимал достаточно скромное место в его творческой биографии, то для здешней русской эмиграции приезд великого русского писателя имел огромное значение. В Эстонии было много русских эмигрантов, которые знали произведения И.А. Бунина и его победу в борьбе за Нобелевскую премию восприняли как победу своего соотечественника. Произведения Бунина были известны и эстонскому читателю не только на русском языке (которым хорошо владело старшее поколение), но и в переводах на родной язык⁶. Важно заметить, что самую длительную остановку писатель сделал в Тарту. Этот город всегда собирал интеллигенцию со всей страны – профессоров, писателей, поэтов. Такой публике, несомненно, была интересна встреча с нобелевским лауреатом, которая стала немаловажным культурным событием в истории города.

⁶ К тому времени на эстонский язык были переведены «Детство», «Смерть пророка», «Господин из Сан-Франциско», «Третий класс», «Лапти», «Дюны», «Деревня» и др.

Кроме того, важность настоящей темы обосновывается и необходимостью изучения того, как взаимодействовали на территории Эстонии две культуры - эстонская и русская. В 1938 году Эстония была молодым самостоятельным государством, не так давно обретшим свою независимость. До 1918 года на протяжении почти двухсот лет земли Эстонии находились под властью Российской империи. В независимой Эстонии продолжало жить много русских – и коренных жителей, и эмигрантов. Двум культурам, так или иначе, приходилось друг с другом сосуществовать и соприкасаться. Как мы попытаемся показать в нашей работе, визит русского нобелевского лауреата в Эстонию является хорошим примером для изучения того, как бытовали две культуры на территории одной страны и в какой степени они взаимодействовали между собой.

Нельзя сказать, чтобы визиту Бунина в Прибалтику не уделялось внимания в исследовательской литературе. Например, достаточно подробно прибалтийское турне нобелевского лауреата описал Антон Бакунцев в серии своих статей, опубликованных в электронном научном журнале «Медиаскоп»⁷ и в журнале о русской культуре за рубежом «Иные берега»⁸. Автор дает достаточно широкий обзор подготовки поездки писателя, а затем его пребывания в странах Балтии. Работы Антона Бакунцева очень интересны по содержанию, основаны на практически всех известных источниках, повествующих о прибалтийском турне Бунина. Однако эти статьи носят скорее публицистический, а не научный характер. Автор не оценивает источники критически, а просто их пересказывает, разбавляя своими оценками. Также в серии работ, опубликованных в журнале «Иные берега», не дано ни одной ссылки на цитируемые источники. Кроме того, автор практически не затрагивает интересующую нас тему – выступления Бунина. Очень мало уделяет внимания Бакунцев и путешествию писателя по Европе.

⁷ Бакунцев А. Триумфатор и прагматики. К истории взаимоотношений И.А. Бунина с рижской газетой «Сегодня» (1933-1938) // Медиаскоп: электронный научный портал факультета жур-ки МГУ им. Ломоносова. 2009. № 3. <http://mediascope.ru/node/403> (20.05.2012); Бакунцев А. И.А. Бунин в Латвии. Долгое приближение (1933–1938) // Медиаскоп: электронный научный портал факультета жур-ки МГУ им. Ломоносова. 2010. № 2. <http://mediascope.ru/node/560> (11.05.13); Бакунцев А. И.А. Бунин в Латвии. Знатный гость (апрель-май 1938 г.) // Медиаскоп: электронный научный портал факультета жур-ки МГУ им. Ломоносова. 2012. № 1. <http://www.mediascope.ru/node/1010> (11.05.13)

⁸ Бакунцев А. Прибалтийское турне Ивана Бунина // Иные берега. 2010. № 4. <http://www.inieberega.ru/node/297> (11.05.13); Бакунцев А. Прибалтийское турне Ивана Бунина // Иные берега. 2011. № 1. <http://www.inieberega.ru/node/311> (11.05.13); Бакунцев А. Прибалтийское турне Ивана Бунина // Иные берега. 2011. № 2. <http://www.inieberega.ru/node/332> (11.05.13)

Эстонская исследовательница Аурика Меймре в своей диссертации, говоря о степени изученности связей русских писателей с Эстонией, полагает, что «едва ли нужно вновь обращаться к фигуре И.А. Бунина, пребывание которого в Эстонии описано достаточно подробно»⁹. Наша работа, как нам представляется, доказывает обратное. Во-первых, известные нам и, как справедливо заметила А. Меймре, довольно подробные источники во многом расходятся друг с другом и о многом умалчивают. Во-вторых, тематика выступлений И.А. Бунина в Прибалтике до сих пор не была рассмотрена в исследованиях, посвященных литературному турне писателя. В настоящей работе была сделана попытка сравнить и сопоставить все известные материалы, повествующие о выступлениях Бунина, и дать им интерпретацию.

Главным источником сведений о пребывании нобелевского лауреата в Эстонии в 1938 году к настоящему моменту принято считать сборник «Последнее свидание», составленный Ю.Д. Шумаковым на основе газет и собственных мемуаров и опубликованный в 1992 году¹⁰ (подробнее об этом издании и о других источниках мы будем говорить в первой главе). Однако, как показывает наш анализ, Ю.Д. Шумаков не всегда точен, он склонен мифологизировать события и собственную роль в них. С этим связана необходимость заново внимательно изучить все газетные материалы (русские и эстонские). Таким образом, перед нами стояла задача демифологизировать известные источники, рассказывающие о прибалтийском турне писателя. Привлекая мемуары В.В. Шмидт, Т.П. Милютиной, переписку Бунина с М.В. Карамзиной, еще раз исследуя эстонские и русские газеты того времени, мы обнаружили немало откликов о выступлениях Бунина, что проливает новый свет на характер его выступлений и на восприятие их местной аудиторией.

В первой главе мы рассмотрим визит Бунина в Тарту и связанные с этим визитом мифы, во второй проведем реконструкцию содержания его выступлений, в «Заключении» подведем итоги работы. В первом приложении мы предоставим вниманию читателя хронику визита И.А. Бунина в Тарту, составленную на основе эстонской и русской периодической печати того времени, а также мемуарных

⁹ Меймре А. Русские литераторы-эмигранты в Эстонии 1918-1940 на материале периодической печати. Таллинн, 2001. С. 68.

¹⁰ Последнее свидание: Материалы о посещении И.А. Буниным Прибалтийских государств в 1938 году / Составитель Ю.Д. Шумаков. Таллинн, 1992.

источников. Во втором приложении дается сводная таблица, отображающая частотность попадания имени нобелевского лауреата на страницы средств массовой информации Эстонии и Латвии в период его прибалтийского турне. И наконец, будет представлен алгоритм нашей работы при реконструировании текста выступления Бунина «Встречи с моими современниками».

Глава 1

И.А. Бунин в Тарту: миф и реальность

1.1. Европейское турне 1935-1937 гг.

К 1935 году материальное положение Ивана Бунина, как уже упоминалось выше, оставляло желать лучшего. Дневниковые записи Ивана Алексеевича и Веры Николаевны того времени говорят о том, что это обстоятельство сильно беспокоило писателя. 10 мая 1936 И.А. пишет в дневнике: «Да, что я наделал за эти 2 года. <...> агенты, которые *вечно* будут получать с меня проценты, отдача Собрания Сочин.<ений> бесплатно - был вполне сумасшедший. С денег ни копейки доходу...»¹¹. Через некоторое время В.Н. записывает следующее: «Ему все кажется, что он погибает, что все богаче его, это ненормально даже»¹².

Трудное финансовое положение (и как следствие – тяжелое моральное состояние) вынудили писателя в 1935-1937 гг. отправиться в турне по Европе по издательским делам. В некоторых городах Бунин выступал с чтениями. Так, например, в 1935 г. писатель был приглашен в Брюссель прочесть доклад к 25-летию со дня кончины Л.Н. Толстого¹³. Через год Бунин оказывается в Праге. Там по просьбе Союза русских писателей нобелевский лауреат выступил на литературном вечере с чтениями своих воспоминаний и рассказов. Во всех городах у него был успех: писателя тепло встречали, залы были полны представителями русских колоний. «Нам ни разу не приходилось видеть в этом зале такого количества слушателей: второй ярус зала был заполнен сидящими и стоящими слушателями, в большинстве молодежью», - так описывает вечер в Брюсселе газета «Русский еженедельник в Бельгии»¹⁴. Через год пражский корреспондент газеты «Сегодня» написал: «Литературный вечер И.А. Бунина в Праге явился первым большим русским общественным вечером в нынешнем

¹¹ Устами Буниных. Дневники И.А. и В.Н. Буниных / Сост. М. Грин. М., 2005. С. 253

¹² Там же. С. 254

¹³ *Coudenys Wim*. Глас вопиющей в литературной пустыне: З.А. Шаховская и русская эмиграция в Бельгии // *Revue des études slaves*. 2001. Т. 73. С. 151-166.

¹⁴ Русский еженедельник в Бельгии. 1935. 22 ноября. С. 2

сезоне. <...> И.А. Бунин был встречен бурными и продолжительными аплодисментами, не смолкавшими несколько минут»¹⁵.

О европейском туре нобелевского лауреата мы располагаем ограниченными сведениями. Нам известно, что в декабре 1935 г. Иван Алексеевич был в Швейцарии. В октябре 1936 г. пражский корреспондент газеты «Сегодня» писал: «И.А. Бунин совершает большую поездку по Средней Европе. Поездка с одной стороны связана с изданиями произведений писателя на иностранных языках, а с другой стороны вызвана желанием И.А. Бунина познакомиться с современной Средней Европой, и побывать в странах, в которых он или прежде не бывал (как в Чехословакии, например), или же которые помнит по довоенному времени, как Италию...»¹⁶. До приезда в Прагу, Бунин шесть дней пробыл в Берлине. В Чехии писатель гостил четыре дня, после чего направился в Женеву через немецкий город Линдау, где был арестован фашистами для обыска. В ноябре того же года писатель побывал в Италии, где встретился с Вячеславом Ивановым и с Татьяной Львовной Толстой (как сообщает пражский корреспондент «Сегодня», эта встреча была связана с книгой «Освобождение Толстого»). В декабре 1936 г. писатель едет в Лондон. Как сообщает газета «Русский в Англии», писателю организовали прием в Русском доме Н.И. и Е.В. Саблины¹⁷: «На приеме, носившем интимный, почти семейный характер, присутствовали многие представители русской колонии. Е.В. Саблин в краткой, прочувствованной речи приветствовал И.А. Бунина от лица проживающих в Англии русских людей и выразил надежду, что И.А. Бунин еще приедет в Лондон на более продолжительное время и тем даст возможность всей русской колонии выразить те чувства, которые русские эмигранты питают к русскому поэту и писателю, получившему теперь всемирную известность и признание»¹⁸.

В следующем году летом Бунин опять посещает Швейцарию, Италию и Югославию. В мемуарах свидетельств об этих поездках не так много. Судя по тем данным, которые находятся у нас в распоряжении, нам кажется, что эти визиты не

¹⁵ Сегодня. 1936. 29 октября. № 299. С. 2.

¹⁶ Сегодня. 1936. № 296. 26 октября. С. 2.

¹⁷ Саблин Евгений Васильевич - дипломат, российский политический деятель. Представлял Россию в Англии (1919—1924) после К. Д. Набокова.

¹⁸ Русский в Англии. 1936. № 24. 31 декабря. С. 1-2. Цит по: *Казнина О.А.* Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1992. С. 383-384.

были связаны с выступлениями. Даже в Югославии, где было много русских эмигрантов, Бунин не устраивал публичных выступлений. «Цель визита была личная, поэтому Бунин в столице Югославии не читал лекций, не устраивал вечеров и других подобных литературных событий, которых можно было ожидать»¹⁹. Дневники писателя говорят также о том, что Бунин хотел в 1936 г. посетить Польшу с целью выступлений, но местные власти не дали ему разрешения. Польский писатель Антон Слонимский о недопущении Бунина сказал следующее: «Публичное выступление лауреата Нобеля в Варшаве было признано нежелательным. Казалось бы, что нобелевская премия является достаточной рекомендацией для получения визы и права выступления. Можно было бы подумать, что неудобно раздражать советских представителей в Варшаве, но вернее следует предположить, что это язык, на котором Бунин пишет, так враждебно настроил наши власти»²⁰.

Свои планы – поездку с литературными чтениями – Бунину удается воплотить в апреле 1938 года. Нобелевский лауреат вновь отправляется в путешествие, на сей раз по странам Балтии - в Литву, Латвию и Эстонию.

В каждом городе нобелевскому лауреату представители местной интеллигенции устраивали культурную программу. 21-го апреля Бунин прибыл в Каунас. Он посетил Общество литовских писателей, познакомился с ночной жизнью города в компании местных литераторов, среди которых были К. Корсакас, Ю. Грушас, Ю. Калюотис. В Риге Бунин нанес массу визитов: посетил Замок президента, министра образования А. Тентеля, министра общественных дел А. Берзиня, был в редакции газеты «Сегодня». После лекции в Даугавпилсе уставший от длительного путешествия, выступлений и бесконечных встреч писатель ночным поездом отправился в Тарту. Здесь Бунин пробыл 6 дней, хотя в студенческом городе Эстонии было запланировано лишь одно выступление «Встречи с моими современниками». Визит в этот город мы рассмотрим подробнее.

¹⁹ *Ђурић Бобан*. Буњин 1937. године у Београду // Из живота руског Београда. Б., 2011. С. 149 (в оригинале на сербском: «Разлози посете били су личне природе: то је био разлог што у југословенској престоници Буњин није одржао ни једно литерарно вече, јавно предавање или неки сличан књижевни скуп, как се то могло очекивати».)

²⁰ Для Вас. 1936. № 25. 20 июня. С. 24.

1.2. Источники сведений о визите в Тарту

О визите Бунина в Тарту известно, как ни парадоксально, не так уж много. Мы попытались составить хронику визита на основании местных газет (эстонских и русских²¹), воспоминаний и писем его корреспонденток из Эстонии - В.В. Шмидт²², М.В. Карамзиной²³, мемуаров участницы событий Т.П. Милютиной²⁴. Существует и уже упоминавшийся нами сборник материалов (подборки газетных статей, воспоминания) о визите Бунина в прибалтийские страны под названием «Последнее свидание»²⁵. Его составитель – Ю.Д. Шумаков – также был современником событий, поэтому он присоединил и свои мемуары. Этот сборник получил достаточно широкое распространение, на его основе пишут уже следующие труды (например, вышеупомянутый А. Бакунцев), поэтому на нем нам придется остановиться особо.

Юрий Дмитриевич Шумаков (1914-1997), выпускник юридического факультета Тартуского университета, занимался в основном литературой. Он переводил стихи эстонских поэтов (Г. Суйтса, М. Ундер) на русский, а Пушкина, Лермонтова, Тютчева и многих других писателей разных эпох, в том числе и Бунина, - на эстонский, а также писал стихи сам. Шумаков выпустил в 1930-е гг. три стихотворных сборника: "Третья встреча" (1934); "Вне" (1935), "Около" (1936). В 1944 г., находясь в эвакуации, был арестован и до 1952 г. был в лагере, в Эстонию вернулся лишь в 1956 г. Далее последовали годы литературной поденщины: лекции в разных просветительных обществах, заказные переводы. Как пишет составитель сборника воспоминаний о Северянине М. Петров: «В конце 80-х годов Юрий Дмитриевич переживал ренессанс своей переводческой деятельности и начинал пробовать себя в роли мемуариста»²⁶. М. Петров

²¹ Она приведена в Приложении к нашей работе.

²² Шмидт В.В. Встречи в Тарту // Литературное наследство: Иван Бунин. М., 1973. Т. 84. Кн. 2. Далее в тексте: Шмидт, с указанием страницы.

²³ Бунин И.А. Письма к М.В. Карамзиной (1937-1940) // Литературное наследство: Иван Бунин. М., 1973. Т. 84. Кн. 1.

²⁴ Милютина Т.П. Люди моей жизни. Тарту, 1997. Далее ссылки на это издание будут приведены в тексте: Милютина с указанием старницы.

²⁵ Последнее свидание: Материалы о поседении И.А. Буниным Прибалтийских государств в 1938 году / Составитель Ю.Д. Шумаков. <Таллинн> Эстонский культурный центр «Русская энциклопедия», 1992. Далее ссылки на это издание будут приведены в тексте: Шумаков, с указанием страницы.

²⁶ Петров М. Капитан Врунгель // Шумаков Ю.Д. Игорь-Северянин и его окружение в Эстонии: другая биография поэта. Таллинн, 2007. С. 4.

замечает, что Шумаков грешит в своих мемуарах «против чистоты жанра» и наполняет их мистификациями и литературными анекдотами. Т.П. Милютин свидетельствовала, что Ю.Д. имел репутацию выдумщика, за что получил прозвище «Капитан Врунгель». Что касается сборника «Последнее свидание», то и тут возникают подозрения, что факт переписки с Буниным, о котором Шумаков упоминает, относится к области мистификаций. Во всяком случае, в парижском архиве писателя, по сообщению А. Бакунцева, его писем обнаружено не было (письма Бунина к Карамзиной и Шмидт опубликованы в бунинском Литнаследстве). Конечно, в Тарту, где Бунина посещали многие представители местной общественности, знакомство между ними могло состояться, но носило ли оно такой доверительный характер, о котором пишет Шумаков в «Последнем свидании»? К сожалению, это не единственный «факт» из тех, что вносит Шумаков в биографию нобелевского лауреата, который нуждается в проверке. Выявление фактов и попытка отделения их от мистификаций и есть цель данной работы.

1.3. Бунин в Обществе Русских Студентов

Иван Бунин прибыл в Тарту 5-го мая в 14.30. Как сообщила газета: «На вокзале его встретили писатель Ф. Туглас, лектор Б. Правдин, В. Булгарин, директор Соколов, преподаватель Попов и много других представителей русской общественности, студенты и др.»²⁷. После торжественного приветствия, именитый гость поспешил в гостиницу „Гранд-Отель“, где после принял журналистов.

Несмотря на то, что Иван Бунин никогда раньше не бывал в Эстонии, здесь у писателя были знакомые, с которыми он состоял в оживленной переписке: поэтесса М.В. Карамзина и студентка филологического факультета Тартуского университета В.В. Шмидт. Безусловно, и писатель, и его корреспондентки хотели встретиться. В день приезда нобелевского лауреата у Веры Шмидт был экзамен по французскому языку. Девушка, получив на экзамене через подругу записку от И.А. (которую он послал ей в 6 часов), поспешила в ресторан „Kuld Lõvi“ на встречу к Ивану Бунину. Они недолго поговорили. Потом В.В. Шмидт

²⁷ Postimees. 1938. № 122. 6. mai.

вспоминала: «Помню, что играла громко музыка в соседнем зале, и я прислушивалась к ней, смутно сознавая необычность этой встречи и думая, что неужели так этим и кончится и я ничего, ничего так и не выскажу, кроме этих общих малозначащих фраз. <...> Тут же условились, что на завтра (в 3 часа пополудни) я приду в „Гранд-Отель“, где он остановился, со всем своим писанием: „Вот тогда посидим, поговорим“».

В этот же день (как сообщает Вера Шмидт, «часу в восьмом») у Бунина был запланирован вечер в Обществе Русских Студентов, с описания которого, по нашему мнению, и начинается ряд мифов.

Общество Русских Студентов было основано в 1920 году. Его основателями были четыре студента-медика: братья Д.П. и И.П. Соломенцевы, М.В. Шамардин и И.И. Преображенский. Целью Общества было объединить русских студентов (хотя в действительности членами были не только русские), а также помочь им учиться и окончить университет. Судя по воспоминаниям В. Шмидт²⁸, жизнь в обществе была активной: регулярно устраивались вечера, благотворительные спектакли, балы. Часто принимали знаменитых гостей: писателей, композиторов, артистов. Так, в 1938 году одним из них стал нобелевский лауреат по литературе.

Один из первых моментов, не поддающихся верификации и имевших место в Обществе Русских Студентов - предложение тартуских профессоров издать «в честь приезда знаменитого гостя сборник своих статей, а Иван Алексеевич, - как передает этот эпизод Шумаков, - конечно же, не откажется предоставить им рассказ-повесть, а лучше роман. Разумеется, безвозмездно... Однако Бунин уклонился от такого предложения бесповоротно и весьма ядовито» (Шумаков. С. 24). Вера Шмидт, присутствовавшая на этом вечере, ни о чем подобном в своих воспоминаниях не упоминает. И, думается, не случайно. В Тартуском университете работали тогда русские преподаватели-юристы, экономисты, медики. Какой сборник своих трудов они могли бы издать с включением рассказа Бунина, остается загадкой, тем более что в Тартуском университете имелись Ученые записки, где эти преподаватели печатались.

²⁸ Шмидт В.В. Из воспоминаний в Обществе русских студентов // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение, III. Тарту, 1999.

Как представляют вечер в Обществе Русских студентов Шумаков и другие мемуаристы, видно на примере эпизода с портретом, привлечшим внимание писателя. Об этом эпизоде упоминают все. Шумаков пишет следующее: «Войдя в помещение русского студенческого общества <...> И.А. Бунин бросил взгляд на красовавшийся на стене портрет: - **Это что за леший?** – спросил Иван Алексеевич. В ответ услышал: - Почетный член общества. - **Не люблю бородачей,** - отозвался Бунин». Далее он рассказывает о том, что на кухне самовар «капризничал» и чаепитие затягивалось. «Посидев еще с четверть часа, писатель встал со словами: «Что это у вас за русское общество, даже чаю у вас не напьешься...», - заключает мемуарист (Шумаков. С. 24).

Этот эпизод более полно отражает в своих воспоминаниях Вера Шмидт, однако, в менее резкой тональности: «Встречи - такой, как большинство собравшихся представляло себе, - не получилось. <...> Бунин сидел <...> с тем усталым скучающим видом, в том не расположении к разговорам, которым он удивил уже встречавших его людей. Он даже сбивал с толку манерой задавать вопросы или делать свои замечания: **«Ну можно ли с такой бородой ходить, ведь ни на что не похоже!»**» Так он отозвался, по словам Шмидт, о том самом портрете – по-видимому, подразумевался портрет покойного доцента криминалистики Алексея Павловича Мельникова (1867-1934), сына писателя П.И. Мельникова-Печерского. На фотографии членов ОРС 1934 г. он единственный имеет окладистую бороду. О несостоявшемся чаепитии сказано следующее: «Не дождавшись чаю, он <Бунин > поднялся, уверяя, что чаю по вечерам не пьет» (Шмидт. С. 333). Бегло упоминает замечание Бунина в адрес обладателей бород и присутствовавшая на вечере и Т.П. Милютинна: «Войдя в помещение «Общества русских студентов» и разглядывая на стенах портреты профессоров — почетных и старших членов Общества, Бунин недовольно сказал: **«Что это за стариканов вы тут развесили?»**»

Полагаем, что наиболее близко к интонации Бунина передает эпизод В.В. Шмидт, тонкий знаток творчества Бунина, писавшая воспоминания на основе своего дневника. Все последующие мемуаристы создавали свои мемуары уже после публикации ее «Встреч в Тарту».

В прессе тоже был отражен факт встречи студентов с нобелевским лауреатом, правда, без малейших подробностей. По этому поводу «Вести дня» пишут только, что «вечер И.А. Бунин провел в конvente «Об-во Русских

студентов» в дружеской беседе со студентами и их гостями»²⁹. Судя по рассказам очевидцев встречи, «дружеской беседы» все же не получилось. В своих воспоминаниях об Обществе Русских Студентов Вера Шмидт несколько дополняет сложившуюся картину, она упоминает, что на вечере Бунин рассказывал о жизни русской эмиграции в Париже³⁰.

Стоит отметить, что студенческое общество писатель посетил и в Риге. Судя по воспоминаниям очевидцев, жизнь рижских студентов Бунину пришлась больше по душе. О встрече писателя с молодежью вспоминал журналист А. Перов: «Бунин проявил большой интерес к студенческой жизни. Он подчеркнул, что ему впервые приходится видеть, что студенты имеют свой собственный дом, свою библиотеку <...>. Он охотно слушал студенческие песни, даже несколько растрогавшись, когда спели старинную «Что ты замолк и сидишь одиноко». И. А. держал себя непринужденно, явно чувствовал себя в родной и близкой ему стихии...»³¹. Как видим, того же самого нельзя было сказать о пребывании в гостях у тартуских студентов. Что могло расстроить писателя, сказать трудно. Возможно, сказалась усталость. Возможно, к своему приезду в Эстонию писатель понял, что его литературное турне – не самая удачная попытка заработать, а впереди еще целая неделя вдали от дома.

1.4. Бунин и Шумаков

В сборнике «Последнее свидание» Шумаков подробно рассказывает о своих многочасовых прогулках с Буниным по Тарту, о посещении могилы Маши Протасовой и пр., а также об их личных доверительных беседах с нобелевским лауреатом. Приведем некоторые цитаты из повествования Ю.Д. Шумакова:

«Вскоре после приезда Бунина в наш университетский город я решил побывать у него в «Гранд-Отеле». Писатель помнил о нашей переписке и попросил меня переписать ему на память мой перевод его стихотворения. Ивану Алексеевичу хотелось знать о наиболее выдающихся явлениях литературы

²⁹ Вести дня. 1938. № 101. 6 мая.

³⁰ Шмидт В.В. Из воспоминаний в Обществе русских студентов // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение, III. Тарту, 1999. С. 283

³¹ Перов А.К. Бунин в Риге (Из воспоминаний журналиста) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 358 / Труды по русской и славянской филологии. XXIV. Литературоведение. С. 365.

Эстонии. Я назвал ему имя А. Х. Таммсааре и вкратце изложил содержание монументального романа «Правда и справедливость». Перед моим приходом Бунин собирался побывать в Главном почтамте, и он попросил меня проводить его. Путь наш лежал мимо скверика, разбитого вокруг памятника Барклаю де Толли. Сев на скамью против бюста работы Демут-Малиновского, Бунин задумался, а затем, конечно же, не для своего спутника, прочел стихотворение Пушкина, посвященное фельдмаршалу. <...> Мы продолжили свой путь по Рыцарской <ул. Rüütli. – Е.С.>. Получив в окошке «до востребования» письма и телеграммы, Бунин, с несколько старомодной учтивостью, обратился к спутнику: «Вы разрешите, Юрий Дмитриевич?»

Письма развеселили Ивана Алексеевича, и он сказал шутливо: «В веселый месяц май жена отпустила меня попорхать...»

На обратном пути мы прошли по городу, говоря о живших здесь Языкове и Пирогове, и, конечно же, о Жуковском, который провел в Дерпте не менее трех лет.

Бунин попросил меня сопровождать его утром следующего дня при посещении им университетской библиотеки. <...> Тартуское книгохранилище, по-видимому, произвело на Бунина большое впечатление. «Да, здесь можно предаться науке», - сказал Иван Алексеевич, покидая библиотеку. <...>

Внезапно писатель спрашивает: не знаю ли я, где похоронена муза Жуковского - Мария Андреевна Протасова. <...> Долго, безмолвно стоял Иван Алексеевич, читая надписи на доске, водруженной В.А. Жуковским над могилой Марии Андреевны <...>. Покидая кладбище, Бунин вымолвил: «Места упокоения отражают отношение народа к своему прошлому: кладбища и отхожие места говорят о многом...» (Шумаков. С. 25-26).

Встреча Шумакова теоретически кажется возможной – как видно из хронологии визита И.А. Бунина, программа была не так насыщена, как в предыдущих городах прибалтийского турне писателя, свободное время у него для возможной встречи имелось. Однако захотел бы писатель с таким непростым характером, как Иван Алексеевич, проводить время с незнакомым человеком – это представляется сомнительным. Сам Шумаков объясняет это следующим образом: «Во времени приезда в Эстонию Ивана Алексеевича Бунина я напечатал его стихотворение во влиятельной эстонской газете «Постимеэс». Об этом я говорю недаром: этим объясняется, отчего лауреат Нобелевской премии, о

котором принято писать как о человеке весьма высокомерном в общении с людьми, отнесся ко мне внимательно, более того, даже дружески» (Шумаков. С. 24). Автор и составитель «Последнего свидания» этой ремаркой, во-первых, как бы оправдывает то, что поставил себя в центр всего повествования, а, во-вторых, дает алиби своим очевидным «приукрашиваниям». Необходимо отметить, что перевод Шумакова стихотворения Бунина «Люблю цветные стекла окон» вышло в газете „Постимеэс“ в № 125 9-го мая, то есть к концу пребывания Бунина в Тарту, а не к его приезду, как уверяет Юрий Дмитриевич.

Если верить Шумакову, то выходит, что он с Буниным встречался чуть ли ни каждый день³²: сперва Шумаков наносит визит Бунину сам, на следующий день сопровождает писателя в библиотеку, также присутствует на вечере у Булгариных. По словам Шумакова, и на следующий день после встречи у Булгариных он тоже виделся с Буниным: «На следующий день я рассказал Бунину, что в салоне были преимущественно немцы...» (Шумаков. С. 24). Однако при каких обстоятельствах Ю.Д. встретился с нобелевским лауреатом в воскресенье, он не уточняет. Нам известно только то, что 8 мая Бунин был приглашен на обед к профессору Курчинскому. Юрия Шумакова, по всей видимости, не было на этой встрече – в «Последнем свидании» он не говорит об этом ни слова.

Особенно сомнительным кажется нам рассказ о посещении «мест успокоения». Из писем М.В. Карамзиной мы узнаем, что они с Иваном Алексеевичем слишком мало виделись и «все мельком и на людях»³³. Таким образом, становится непонятным, почему Бунин проводит время с малоизвестным (если не совсем неизвестным) молодым человеком, а не со своей знакомой, с которой состоял в переписке? К тому же, Успенское кладбище находится весьма далеко от центра города, а, по словам Шумакова, с Буниным они пошли на могилу Маши Протасовой пешком. Насколько 68-летнему писателю хотелось совершать такие далекие прогулки по незнакомому городу, остается только гадать.

Проверить рассказы Шумакова о встречах «без свидетелей», к сожалению, невозможно. Во всяком случае, единственное, что мы можем сказать со стопроцентной уверенностью, так это то, что Бунин никогда не упоминает о

³² См. хронологию в приложении.

³³ *Бунин И.А.* Письма к М.В. Карамзиной (1937- 1940) // Литературное наследство: Иван Бунин. М., 1973. Т. 84. Кн. 1. С. 670-672.

Шумакове ни в одном из своих писем или в других источниках. По всей видимости, этот эпизод из биографии нобелевского лауреата придется пока оставить на совести Ю. Шумакова.

1.5. В гостях у Булгариных

Конечно, некоторые сюжеты, описываемые Ю. Шумаковым в «Последнем свидании», действительно, имели место и подтверждаются другими источниками. К таковым относится встреча за ужином у В. Б. Булгарина (1881 - 1941), потомка знаменитого Фаддея Венедиктовича Булгарина, которая, судя по всему, подобно вечеру в Обществе Русских Студентов, состоялась не так, как хотелось организаторам. Однако подробности этого эпизода, как они изложены Шумаковым, нельзя с полной уверенностью отнести к разделу «реальности».

Составив хронологию мероприятий с участием Бунина, мы пришли к выводу, что встреча у Булгариных состоялась в субботу, 7-го мая, после возможных прогулок писателя по городу с автором «Последнего свидания». Вот что пишет о вечере у Булгариных Юрий Дмитриевич, который тоже был среди гостей: «Иван Алексеевич опаздывает. <...> Раздается звонок. Целуя руку Валерии Владимировне, Бунин принес ей свои извинения: «Великодушно простите меня за опоздание, меня задержала дама, немка, несносная, как большинство ее соплеменниц <...>». Шумаков продолжает: «Знал бы писатель свою аудиторию... <...> Бунин, казалось, был в ударе и стал витийствовать, утверждая, что пруссаки – источник неисчислимых кровопролитий, что вот сейчас фашист Гитлер готов слопать весь мир, но обязательно подавится <...>». Далее, по словам Ю.Д., кто-то из гостей признался Бунину «в своем беспредельном восхищении его новеллами», но на вопрос Ивана Алексеевича, какой из рассказов он имеет в виду, почитатель творчества Бунина не смог ответить. Как передает Шумаков, писатель на это ответил следующее: «Надо хоть приблизительно знать, о чем толкуешь... Я, например, чту и Гете и Шиллера, но, согласитесь сами, как далека современная Германия от идеалов Фридриха Шиллера».

О вышеизложенном происшествии на вечере никто из мемуаристов (кроме Ю.Д.) не вспоминает. Хотя стоит согласиться с тем, что прохладность атмосферы у Булгариных все же ощущалась - это подтверждают и другие свидетели вечера,

однако, они все же остаются более сдержанными в своих комментариях. В. Шмидт в письме к А.К. Бабореко пишет: «Иван Алексеевич не был особенно любезен за ужином у Булгариных, хотя они устроили для него целый банкет, он как-то был сдержанно-холоден, не то что на другой день у профессора Курчинского...»³⁴. Упоминает о вечере у Булгариных и М.В. Карамзина в письме к Бунину. В одном из них от 2 июля 1938 она замечает, что И.А. Бунин на протяжении всего пребывания в Тарту был не в духе: «Казалось, что вы среди этих чужих людей – не настоящий, что вы бросаете подачки какие-то разным Булгариным...». Возможно, на настроении писателя сказалось долгое путешествие (ведь Тарту предшествовали Каунас, Рига и Даугавпилс), возможно, виной был и непростой характер нобелевского лауреата, который легко раздражался, был холоден с чужими людьми, но добр с близкими. В «Встречах в Тарту» Вера Шмидт, передавая слова Марии Карамзиной, пишет, что Бунин «очень сердился, когда его «обхаживали как лауреата, смотрели ему в рот и ловили его движения» (Шмидт. С. 334). Вероятно, по этой же причине Бунин был таким недовольным и раздражительным в ОРС.

Бунин всем был известен своим острым языком и язвительностью. Возможно, что Шумаков этим эпизодом хотел еще раз обрисовать характер писателя, который оказался в чужой среде. Возможно и то, что на фоне этого сюжета Ю.Д. хотел подчеркнуть особое отношение писателя к себе. В любом случае, описание Шумаковым вечера у Булгариных еще раз демонстрирует нам, что Юрий Дмитриевич выступает не в роли мемуариста-документалиста, а скорее в роли создателя некоего художественного произведения, отчасти основанного на реальных событиях.

³⁴ Лит. наследство: Иван Бунин. Кн. 1. С. 660. Позже В.В. Шмидт в воспоминаниях о М.В. Карамзиной напишет: «У Булгариных на большом приеме он был как бы не в своей тарелке: неразговорчив и словно чем-то недоволен (хозяйка дома, В.В. Булгарина, позвавшая важных, по ее мнению, гостей и приготовившая прекрасных ужин, удивлялась и говорила потом всем, что это, конечно, «из-за Фаддея!»). Совсем другим был он, по словам Марии Владимировны, у Курчинских – среди профессуры и «дерптских» студентов» (Шмидт В.В. Завет: «Сохрани». Встреча и переписка // Карамзина М.В. Ковчег. Таллинн, 2008. С. 117).

1.6.1. Бунин и эстонские писатели. Русско-эстонский диалог

Однако наиболее «мифологичен» в «Последнем свидании» эпизод дружеской беседы Бунина с живым классиком эстонской литературы А.Х. Таммсааре, которому в январе 1938 г. исполнилось 60 лет.

А.Х. Таммсааре прибыл в Тарту 7-го мая 1938 г. по приглашению издательства «Ноор Ээсти» и тартуских писателей, которые хотели устроить в его честь банкет по случаю прошедшего юбилея. И как сообщает газета «Уус Ээсти» в № 128: «...А.Х. Таммсааре посетил в понедельник издательство «Ноор Ээсти» и его типографию. В 2 часа в «Гранд-Отеле» состоялся обед с участием Ивана Бунина»³⁵. Иными словами, был организован обед в честь А.Х. Таммсааре, на котором присутствовал русский нобелевский лауреат. По словам Шумакова, Бунин пригласил на обед Густав Суйтс, друг Таммсааре. Мемуарист так описывает встречу: «Соловьями разливались присяжные ораторы, малоречивый Таммсааре не проронил ни слова. Бунин вслушивался в звучание эстонской речи... Когда Таммсааре отделался от напористых соседей по столу, завязалась беседа с И.А. Буниным, произведения которого хорошо знал эстонский писатель. Разговор шел, разумеется о литературе. Бунин выразил мысль, что Таммсааре счастлив: он живет среди своего народа, пишет для него. «А я, - сказал Бунин, - как иссохшаяся смоковница...»» (Шумаков. С. 29).

Такое заявление Шумакова представляется весьма сомнительным, как и факт дружеской беседы двух классиков. Таммсааре прекрасно знал русский язык и Бунина, конечно, читал. Однако у него были свои причины для того, чтобы избегать встречи с нобелевским лауреатом. Элем Трейер в своей книге «Жизнь Таммсааре как господина Хансена»³⁶ передает свидетельство жены писателя Käthe: «Таммсааре отнесся к этой встрече с сопротивлением, дав понять организаторам, что ему уже оказали достаточно чести, и нет необходимости ее увеличивать за счет гостя»³⁷.

³⁵ Uus Eesti. 1938. № 128. 10. mai.

³⁶ Treier, Elem. Tammsaare elu härra Hansenina. Tallinn, 2011. Lk.206 (перевод с эст.).

³⁷ „Tammsaare suhtus sellesse kohtumisse tõrksalt, andes vastuvõtjatele mõista, et talle on osutatud küllaldast au, mida polnud vaja suurendada võõra omaga“.

Описание этого же случая мы находим и в сборнике литературоведа Э. Тедера «Воспоминания об А.Х. Таммсааре»³⁸, в главе «А.Х. Таммсааре и издательство «Ноор-Ээсти», написанной Альфредом Кивисте, бывшего в 1930-е гг. главным бухгалтером издательства „Ноор Ээсти“. Свои воспоминания об этой поездке он написал в 1958 году специально для сборника Э. Тедера. По словам Кивисте, этот визит Таммсааре в Тарту не был запланирован, так как юбилей писателя состоялся еще 30-го января. Писатель согласился приехать в Тарту только с условием, что его поездка будет частной, проведет он ее только в кругу издательства «Ноор Ээсти» и чтобы она не привлекала внимания общественности. Таммсааре провел в Тарту три дня. «На третий день издательство «Ноор Ээсти» дало обед в честь Таммсааре, на котором присутствовал и Иван Бунин. Принято считать, что его участие носило случайный характер»³⁹. Но А. Кивисте далее пишет, что поэт Юрий Шумаков обратился к нему с просьбой, чтобы последний передал Таммсааре о желании Бунина встретиться с эстонским писателем за обедом. В это время Таммсааре с женой находились на втором этаже гостиницы „Гранд-Отель“. Когда Кивисте передал предложение нобелевского лауреата, лицо Таммсааре стало серьезным и, положив, пальцы на стол, он категорически заявил: «Нет, этого я точно не хочу! Что у меня общего с Буниным? Если этого тем не менее желают, то я не буду принимать участия в обеде». Кивисте поспешил оповестить об этом Шумакова, но к этому времени Бунин уже пришел и ждал в фойе. Главный бухгалтер издательства „Ноор Ээсти“ поспешил дать знать об этом Таммсааре. Последний наконец согласился, чтобы Бунин присутствовал на обеде, но с тем условием, чтобы его не сажали рядом с русским лауреатом Нобелевской премии и не делали никаких общих с ним снимков.

Альфред Кивисте пишет, что эстонский писатель прямо причину своего отказа от знакомства с нобелевским лауреатом не называл. Очевидец событий лишь предполагает, что такое отношение могло возникнуть из-за того, что Бунин был политическим эмигрантом, и то, что было нарушено условие Таммсааре о частном характере его приезда.

³⁸ *Teder, E. Mälestusi A. H. Tammsaarest. Tallinn, 1978. Lk. 366* (здесь и далее в основном тексте мы приводим цитаты в нашем переводе с эстонского).

³⁹ „Kolmandal päeval korraldas „Noor-Eesti“ kirjastus Tammsaare auks lõunasöögi, millest võttis osa ka parajasti Tartus viibiv vene kirjanik, Nobeli preemia laureaat Ivan Bunin. Olgu siin tähendatud, et Bunini osavõtt kandis juhuslikku iseloomu“.

Ю. Шумаков в своем сборнике статью Кивисте называет «неуклюжей версией», которая возобладала «над умами двух-трех эстонских литераторов». Шумаков пишет: «Один из работников эстонского издательства опубликовал воспоминания об этом обеде. Здесь расписывается на все лады, в каком отчаянии якобы был Таммсааре, как ему не хотелось, чтобы на обеде присутствовал русский эмигрант...» (Шумаков. С. 30).

Однако «неуклюжую версию» подтверждает еще один источник. О встрече двух писателей пишет также современник событий и знакомый Таммсааре Александр Сибуль (1884-1981) в своей статье «О поездке А. Х. Таммсааре в Тарту и о И. Бунине», опубликованной в 1973 году в журнале „Keel ja Kirjandus“. Сибуль утверждает, что пишет о поездке Таммсааре в Тарту со слов самого писателя: «По возвращении из Тарту, когда писатель вновь навестил меня в Таллиннской центральной библиотеке, он с удовольствием рассказал мне о замечательном приеме, который ему оказали на тартуском вокзале»⁴⁰. Однако далее Сибуль рассказывает о том, что А. Х. Таммсааре не желал никакой публичности и торжественности, чего не удалось избежать. В последний день его пребывания в Тарту издательство „Ноор Ээсти“ устроило торжественный обед в честь писателя, на который пришел или был приведен И. Бунин, «который через посредника передал о своем желании познакомиться и побеседовать с ним»⁴¹, т.е. с Таммсааре. Далее А. Сибуль подтверждает слова жены писателя, что Таммсааре не захотел знакомиться с Иваном Буниным. «Что общего у меня с Иваном Буниным? Ничего! К тому же он активный политический эмигрант»⁴², - так объяснил эстонский писатель А. Сибулю свое нежелание этой встречи. Как пишет Сибуль, последний аргумент был главной причиной, почему Таммсааре не хотел с Буниным ни знакомиться, ни разговаривать. Эту встречу могли бы трактовать как поддержку политического беженца, а Таммсааре хотел остаться вне политической борьбы. Кроме того, первая часть его романа «Правда и справедливость», как пишет Сибуль, была в 1935 г. переведена на русский язык Л. Третьякевичем. С этим произведением Таммсааре хотел войти в советскую литературу. И для этого уже были предприняты шаги – перевод романа был отослан в советское

⁴⁰ „Pärast Tartust naasmist, kui kirjanik mind jälle Tallinna Keskraamatukogus külastas, jutustas ta mulle heatujuliselt sellest suurepärasest vastuvõtust, mis talle Tartu jaamas oli osaks saanud“.

⁴¹ „kes oli vahendaja kaudu soovi avaldanud temaga tutvumiseks ja vestlemiseks“.

⁴² Mis ühist on mul Ivan Buniniga? Ei mingisugust! Pealegi on ta aktiivne poliitiline emigrant“.

посольство для передачи в Москву в Государственное издательство. Видимо, по мнению Таммсааре, знакомство с Буниным, могло помешать успеху этого начинания. Однако *после обеда* в фойе ему все же представили русского писателя, и они даже немного поговорили. О чем шла их беседа, Сибуль не сообщает.

Пресса 1938 г. подтверждает знакомство нобелевского лауреата с эстонским классиком во время банкета, хотя далеко не все газеты посчитали нужным об этом упомянуть. Сам факт встречи двух писателей отражен в газетах „Уус Ээсти“⁴³ и „Пяэвалехт“⁴⁴. В № 126 газеты „Пяэвалехт“ за 10-е мая сообщается, что Бунин попросил разрешения через Густава Суйтса (а не Шумакова!) принять участие в обеде, так как его интересовала встреча с известными эстонскими писателями.⁴⁵ К сожалению, никаких подробностей газеты не приводят и фотографий не предоставляют (наверное, они были осведомлены об отношении к этому Таммсааре). Что касается русских газет, то они вообще не освещали приезд Таммсааре в Тарту.

Учитывая все выше сказанное, можно прийти к выводу о том, что вряд ли была возможна задушевная беседа между двумя писателями, о которой пишет Ю.Д. Шумаков. Мемуарист стремится представить идиллическую картину литературных контактов нобелевского лауреата и эстонских писателей. Он пишет о том, как нравилось Бунину звучание эстонского языка, что он с интересом слушал стихотворения эстонских поэтов Г. Суйтса и М. Ундер по-эстонски и в русском переводе Шумакова (кстати, сами переводы действительно имелись⁴⁶). Однако реальная картина была, как мы пытались показать, гораздо сложнее и напряженнее.

1.6.2. Нобелевский лауреат и „король поэтов“

К разделу мифов хочется отнести и встречу нобелевского лауреата с Игорем Северяниным. В сборнике «Последнее свидание» Ю.Д. приводит статью Игоря Северянина за 1939 год, опубликованную в газете «Русский вестник», о его

⁴³ Uus eesti. 1938. № 128. 10. mai.

⁴⁴ Päevaleht. 1938. № 126. 10 mai.

⁴⁵ „Tammisaare veel oli palutud osa võtma prof. G. Suitsu algatusel Tartus viibiv Nobeli laureaat Ivan Bunin, teda oli huvitanud kohtumine meie tuntuima kirjanikutega“.

⁴⁶ Ундер М. Избранные стихотворения, Тарту, 1935; Суйтс Г. Избранные стихотворения, 1900-1930, Тарту, 1934.

встрече с нобелевским лауреатом в поезде по дороге в Таллинн. Воспоминания были озаглавлены «Моя первая встреча с Буниными» и опубликованы почти ровно через год после самой встречи (напомним, что встретились они 10 мая 1938). Статья, действительно, имеется в «Русском вестнике» в № 64 за 1939 год.

По словам Игоря Северянина: «10 мая 1939 г.⁴⁷ я поехал из Саркюла в Таллинн на лекцию Бунина, совершавшего поездку по государствам Прибалтики. В России и в эмиграции я лично с ним никогда не встречался, всегда ценя его как беллетриста, а еще больше как поэта. В Тапа наш поезд соединился с поездом из Тарту. <...> Из вагона второго класса вышел среднего роста худощавый господин, бритый, с большой проседью, <...>. Я сразу узнал Бунина, но еще медлил к нему подойти, убеждаясь. Путник, заложив руки в карманы, быстро прошел мимо меня, в свою очередь внимательно в меня вглядываясь <...> Я приподнял фуражку»⁴⁸. Надо отметить, что из Тарту до Тапа Бунин ехал вместе с М.В. Карамзиной (последняя в Таллинн не поехала). Кажется странным, что на остановке в Тапа Бунин вышел из поезда один, а не вместе с Карамзиной, которую он, наверное, захотел бы проводить. Согласно железнодорожному расписанию 1938-го года⁴⁹, в Тапа поезд простоял 13 минут.

Далее Игорь Васильевич пишет о том, что Бунин его узнал и пригласил в вагон-ресторан. Игорь Северянин очень красочно и эмоционально передает свой разговор с известным русским писателем: вспомнили Бальмонта, поговорили о творчестве, о впечатлениях Бунина о севере...

Действительно, никак нельзя исключать того, что два писателя могли встретиться в поезде. Однакостораживает тот факт, что нигде не зафиксирована информация о том, что Игорь Северянин был сотрудником газеты «Русский вестник». Почему он решил опубликовать свой рассказ о встрече с Буниным год спустя после визита нобелевского лауреата? Юрий Дмитриевич же был сотрудником этой газеты – его первые стихи были напечатаны именно там. Возможно, рассказ-воспоминание Игоря Северянина родился с подачи Шумакова, с которым они дружили. Вся семья Шумаковых, по словам Юрия Дмитриевича, была близка к поэту, и даже в 1921 году на венчании Игоря Васильевича Юрий Шумаков, будучи мальчиком, нес икону. На протяжении всей жизни они

⁴⁷ Допущена опечатка – 10 мая 1938 г.

⁴⁸ Русский вестник. 1939. № 64. 16 августа.

⁴⁹ Eesti aadress-raamat 1938-1939. Tallinn, 1938.

постоянно общались и встречались (Игорь Северянин даже посвятил одно из своих стихотворений Юрию Шумакову⁵⁰). Странно, что потом Игорь Северянин не делится со своим близким другом Шумаковым своими впечатлениями от знакомства с нобелевским лауреатом. Юрий Дмитриевич нигде и никаким образом больше не касается этого сюжета: ни в «Последнем свидании» (он приводит только газетную вырезку), ни в своих воспоминаниях об Игоре Северянине «Эстония – страна моя вторая...»⁵¹.

1.7. О чем молчит Шумаков

Несмотря на то, что Юрий Дмитриевич, составляя свой сборник, очевидно, был знаком с ранее опубликованными материалами В.В. Шмидт и перепиской И.А. Бунина с М.В. Карамзиной, в своем труде он практически ничего не говорит об этих двух личностях. Разве что вскользь упоминает Марию Владимировну, причем путая ее инициалы: «Бунин и вообще-то был окружен в Прибалтике разного рода дамами типа М.А. Карамзиной, стремившимися добиться с помощью писателя отзыва на свои литературные опусы» (Шумаков. С. 27).

В строках Юрия Дмитриевича явно чувствуется ирония. И Вера Владимировна, и Мария Владимировна, действительно, посылали плоды своего творчества на суд любимого ими писателя. Однако Карамзина была высоко оценена Буниным. Благодаря его содействию (точнее – советам и указаниям) в 1939 году в Нарве вышел сборник стихотворений Марии Владимировны под заглавием «Ковчег». Творческие начинания В.В. Шмидт писатель всячески поддерживал. Кроме литературного интереса двух корреспонденток связала с нобелевским лауреатом и дружба. Поэтому, оказавшись на территории одной страны, никто из участников переписки не хотел упустить случая познакомиться лично.

С Верой Шмидт, как мы уже говорили выше, Бунин по собственной инициативе повстречался в первый же день своего приезда в ресторане „Kuld Lõvi“. После вечера в ОРС Бунин попросил девушку проводить его до гостиницы. Вот как передан этот эпизод в мемуарах Шмидт: «И вот мы вышли на тихую,

⁵⁰ «Жрец любимый Аполлона,/ Маг с возвышенным челом...».

⁵¹ Игорь Северянин. Венок поэту. Таллинн, 1987.

весеннюю, полную белых сумерек улицу, завернули за угол, медленно пошли мимо ратуши, мимо Гостиного двора, через зеленый только еще кустами Барклайский садик, вышли на Обводную (теперь Валликраави). <...> И вдруг:

- Посмотрите, извозчик с дугой! <...>

- А как же, Иван Алексеевич, разве можно запрягать без дуги?

- Запрягают же. Там, во Франции, не увидите, чтобы извозчик с дугой.

Я начала спорить, уверяя, что лошади в одном хомуте тяжелее, <...>.

- Не знаю, тяжелее ли ей. Но извозчика с дугой я только в России видел.

Давно» (Шмидт. С 333).

Еще более запомнилась ей их вторая встреча в „Гранд-Отеле“, когда Вера Шмидт пришла к писателю со своим писанием. «Помню, как мне сделалось стыдно какого-то очень уж слабого места: почувствовалось по молчанию Ивана Алексеевича, - он так особенно молчал. «Скверно», - подумала я и закрыла тетрадь. Он понял – и не стал разубеждать. <...> Но то, что он слушал, заставлял еще читать (прочла ему два рассказа и несколько стихотворений), давало мне какое-то право на что-то надеяться. <...> Вдруг Иван Алексеевич спросил меня:

- А вы любили?

- Нет, - отвечала я, - увлекалась, да.

- Вы чувствительная. Полюбите – и будете мучиться. Я тоже был такой... И много мучился». Вспоминая об этом, Вере Владимировне хочется запечатлеть писателя не таким, каким его привыкли обычно изображать, а добрым, чутким и понимающим.

Повстречался Бунин и с Марией Карамзиной, которая по случаю визита Бунина приехала в Тарту из Кивиыли. К сожалению, об их встрече нам известно ничтожно мало. На их личное знакомство во время пребывания Бунина в Тарту указывает лишь пара ее писем к Бунину и к Шмидт. Судя по этим письмам, им удалось пообщаться наедине лишь в поезде по дороге в Таллинн – Бунин ехал на свое заключительное выступление, а Карамзина домой в Кивиыли. Об этих последних часах, проведенных с русским писателем в вагоне, Мария Владимировна вспоминала в письме к Бунину, датированном 14 мая 1938 г.: «Я помню блестящую медную палку перед окном в коридоре вагона, на которую опирались мы оба, глядя на все густеющую над горизонтом сизую тучу, предвещавшую не весенний, веселый ливень, но серый, холодный, как осенью, дождь. <...> Вот я должна подробно написать обо всем этом и еще о другом, о

многим. Иначе как же, как же узнает он о печали моей, о тоске – невыразимой?»⁵² Письмо Карамзиной от 2 июля 1938 г. и ответ на него Бунина свидетельствуют о том, что встреча их в Тарту была мимолетной. Карамзина пишет: «Казалось, что <...> со мной разговариваете, то и дело *прячься* за тон легкой беседы с недурно выглядящей женщиной за тридцать лет, у которой непременно должна случиться вскоре какая-нибудь сердечная катастрофа». В ответ на это Бунин пишет: «...если я и прятался, то как раз потому, что мы так мало и плохо (все мельком или на людях) виделись. И сейчас – дорого бы я дал, чтобы *поговорить* с вами об этом письме, произведшем на меня редкое по силе впечатление!».

В сборнике «Последнее свидание» (и в последующих исследованиях) практически ничего не говорится о том, ради чего приехал писатель в Прибалтику – о литературном выступлении⁵³. 9-го мая в восемь часов в театре „Ванемуйне“ состоялась лекция Бунина на тему «Встречи с современниками». Некоторое представление о выступлении писателя мы получаем благодаря Вере Шмидт. «Народу было полно. Нам пришлось тесниться и стоять у стен, молодежи было много – русской, эстонской, немецкой. Бунин вышел с книгой в руках, сдержанно ответил на приветствия, сел к столу. Первым прочел он «Кавказ». Почему он его выбрал? Он написал его за шесть месяцев до приезда к нам. Бунин думал, что этот рассказ еще до нас не дошел, но он уже незадолго до того появился в «Современных записках» в нашей библиотеке. Взволнованно и стремительно пишет Бунин здесь о любви, но разве только о любви? Здесь вся Россия, все, что он больше всего любил в ней, - Москва, дорога на юг, степь... <...> Читал он прекрасно. <...> После «Кавказа» прочел «Толстого».

И в Тарту, и в Таллинне Бунин дал по одному вечеру, на котором делился своими воспоминаниями и прочел еще несколько своих рассказов: «О счастье» и «Молодость и старость» (в Каунасе и Риге рассказы были прочитаны на втором вечере). Возможно, Бунин рассчитывал свои силы и решил в начале путешествия дать по 2 лекции, а в конце - по одной. Возможно также, что рассчитывал и на количество публики. Вероятно, боялись, что в маленьких городах не наберется на

⁵² Бунин И.А. Письма к М.В. Карамзиной (1937- 1940) // Литературное наследство: Иван Бунин. М., 1973. Т. 84. Кн. 1. С. 671.

⁵³ Шумаков затрагивает тему лекции, когда говорит о визите в Таллинн. Однако о том, как прошло выступление в театре „Ванемуйне“, не упоминает ни слова.

2 вечера достаточно зрителей. О том, какие тексты читал И.А. в Эстонии и почему, будет подробно сказано во второй главе.

10 мая, в день отъезда в Таллинн, Бунин обедал у К.Н. Бежаницкой⁵⁴. Об этом мы узнаем из дневника не очень расположенной к Бунину Л. Столейковой: «За обедом, как обычно у Бежаницких, очень обильным и приготовленным на славу, разговор шел самый незначительный. Наши дамы как будто робели перед знаменитым писателем и его суровым видом. Бунин тоже явно не собирался угостить нас интересным разговором. <...> я, наконец, решилась заговорить с Иваном Алексеевичем. Я даже сказала ему, что его вчерашний доклад был очень интересен, но что мы ожидали услышать от него еще и о других его современниках, как было указано в афише. Бунин любезно поклонился через стол, улыбнулся и сказал, что он польщен, но что афиши напечатал его импресарио (кстати сказать. Бунин, видно, не очень ладил со своим импресарио) и наобещал публике без ведома его, Бунина, слишком много»⁵⁵.

Дополняет сведения об этом дне В. Шмидт: «...с этого обеда в небольшой группе провожающих он и пришел на вокзал. <...> Среди провожающих: Клавдия Николаевна, Тамара Павловна Лаговская (теперь Милютинина), а также помню В.В. Булгарину и Л.А. Курчинскую <...> Б.В. Правдина (доцента нашего университета). <...> Не знаю, как это случилось, но я оказалась наверху, на площадке, около него в тот момент, как поезд трогался. Хотелось сказать, что очень его люблю, а сказала только: «Иван Алексеевич!» Он наклонился и крепко, бережно поцеловал меня в щеку» (Шмидт. С. 338).

Другой же поцелуй, имевший место в тот день на вокзале, послужил причиной спора между дамами. Перед отправлением поезда Бунин поцеловал руку не очень любящей его Столейковой, которая записала об этом в своем дневнике: «Перед отходом поезда, на прощание, Бунин успел всем пожать руку, а Клавдии Николаевне и мне поцеловал руку. Я очень обрадовалась и это запомню»⁵⁶. Т. Милютинина же считает, что Бунин спутал Людмилу с ней: «Я пыталась ей объяснить, что Бунин, как воспитанный человек, придя на обед, поцеловал руку хозяйке дома и ее замужней дочери, т. е. мне. Для этого и носили

⁵⁴ К.Н. Бежаницкая (1889–1979) – мать Т.П. Милютинины. Первый в Тарту врач-фтизиатр. Основательница и заведующая туберкулезной больницей.

⁵⁵ *Милютинина Т.П.* Люди моей жизни. Тарту, 1997. С. 111.

⁵⁶ Там же. С. 112.

обручальное кольцо на правой руке — целовать руку незамужней считалось в те времена неприличным. Так же Бунин поступил и на вокзале — поцеловал руку моей маме и стоявшей рядом Люсе, приняв ее за замужнюю дочь. Он был глубоко равнодушен ко всем нам»⁵⁷. Что же на самом деле думал Бунин в тот момент, остается только догадываться.

Так прошли почти шесть дней Ивана Алексеевича Бунина в Тарту, повлекшие за собой много разговоров, возмущений и восхищений, а также создавшие благоприятную среду для зарождения мифов. Как видим, даже в последнюю минуту своего пребывания в Тарту Иван Алексеевич как будто бы нарочно оставляет жителям Тарту «на память» двусмысленный эпизод, о котором вспоминают много лет спустя.

⁵⁷ Там же.

Выступления Бунина в Эстонии: сбывшиеся и несбывшиеся надежды

Заметки и афиши, извещавшие жителей Прибалтики о литературном вечере Бунина, стали появляться в прибалтийских газетах начиная с 17-го апреля. Они обещали, что в выступлении «Встречи с моими современниками» И.А. будет рассказывать о Толстом, Чехове, Горьком, Куприне и о других известных людях того времени. Однако в реальности круг героев воспоминаний оказался гораздо уже: Бунин рассказывал лишь о Льве Толстом и о Федоре Шаляпине, о котором ни в одной афише не было сказано ни слова. Еще одним героем воспоминаний, возможно, была и Айседора Дункан – но об этом упоминают вскользь всего две рижские газеты и некоторые из тех, кто присутствовал на концерте в Риге. Это дает нам основание полагать, что об американской танцовщице Бунин рассказывал только в столице Латвии. Кроме того газета «Яунакас Зиняс» в заметке о вечере «Встречи с моими современниками» отметила, что «рассказ об экстравагантной» Айседоре Дункан был «менее интересен»⁵⁸. Здесь мы можем сделать осторожное предположение, что Бунин решил «опробовать» текст о танцовщице на рижской публике и, почувствовав, что этот рассказ зрителям понравился меньше, в других городах читать его не стал.

О том, что обещания афиш не были реализованы, свидетельствуют современники, например, актриса русского театра в Риге Татьяна Ратгауз, которая пишет подруге: «Решив, что он едет к черту на куличики в какую-то дикую Прибалтику, он думал, что публика будет платить двойную плату (цены огромные) только за то, чтобы взглянуть на ЛАУРЕАТА и что можно ей в течение получаса читать свою статейку из «Современных записок» и читать очень плохо»⁵⁹.

Татьяна Ратгауз была одной из немногих, кто не оценил ораторского мастерства Бунина, газеты сообщали иное: «Как хорошо читает Бунин! Как много

⁵⁸ Яунакас Зиняс. 1938. № 96. 30 апреля.

⁵⁹ Письмо Т. Ратгауз к Э. Чегринцевой, 3 мая 1938. Цит. по: Мельников Н. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина. М., 2010.

чувства в его словах и как они, при всей бунинской скупости слова, богато насыщены содержанием»⁶⁰; «Не будучи чтецом по профессии и по специальности, он все же фиксировал внимание публики на своем чтении. Контакт с аудиторией был установлен сразу...»⁶¹. Что касается упоминания о высоких ценах, то это была правда: в Эстонии билет стоил от 3 крон 10 центов до 3.60, а участие в банкете 5 крон. В среднем в те времена билеты на концерты приезжих знаменитостей обходились от 50 центов до 1 кроны.

Отчасти права Татьяна Ратгауз и в том, что воспоминания Бунина были уже знакомы публике. Об этом писали и газеты: «Те, кто ожидал от маститого русского писателя новых, ранее не печатавшихся воспоминаний и впечатлений, уходили домой несколько разочарованными»⁶². Однако у большинства публики этот факт не испортил общего впечатления.

Действительно, первое мемуарное свидетельство Бунина о Толстом можно было прочесть в «Современных записках» уже в 1927 году. В июле 1937 года в Париже вышла книга писателя «Освобождение Толстого», где был также перепечатан текст 1927 г. Уже 24 августа 1937 в рижской газете «Сегодня» Петр Пильский опубликовал на «Освобождение Толстого» рецензию. Таким образом, текст о Толстом к 1938 г. был доступен всем заинтересованным жителям Литвы, Латвии и Эстонии. Воспоминания об Айседоре Дункан «Босоножка» были напечатаны 1936 году в журнале «Иллюстрированная Россия». Даже воспоминания о Федоре Шаляпине, который умер за неделю до отъезда Бунина в прибалтийское турне, писатель успел опубликовать до или в процессе своего путешествия.

В этой связи нам интересно, какие именно тексты выбрал Бунин для выступлений в Прибалтике и почему. В этой главе мы попытаемся провести реконструкцию содержания выступлений писателя о Шаляпине и о Толстом, так как в Эстонии И. А. делился своими воспоминаниями только о них.

⁶⁰ Старый Нарвский листок. 1938. № 53. 13 мая.

⁶¹ Эхо. 1938. № 111. 25 апреля.

⁶² Яунакас Зиняс. 1938. № 96. 30 апреля.

2.1. О Шаляпине

Федор Иванович Шаляпин умер 12 апреля 1938 года, за неделю до приезда Бунина в Каунас. Шаляпин не раз выступал в Литве, Латвии и Эстонии, поэтому не удивительно, что Бунин захотел поделиться своими воспоминаниями с публикой, которая не только слышала голос певца, но и не раз видела его на сцене. Мемуарный текст Бунина о певце под заглавием «Его памяти» появился впервые 17 апреля 1938 в газете «Последние новости»⁶³. И. Бунин не присутствовал ни на панихидах по Шаляпину, ни на его похоронах (известно, что писатель не любил ходить на похороны), поэтому свою сопричастность Иван Алексеевич выразил, опубликовав воспоминания. Бунин счел нужным объяснить и свое отсутствие на прощании: «Я нездоров, не выхожу из дому. Мысленно кланяюсь ему на его смертном ложе, целую его последним целованием».

Другой текст воспоминаний Бунина о Шаляпине был опубликован 30 апреля 1938 года в журнале «Иллюстрированная Россия»⁶⁴, во время пребывания И.А. в Риге. Вероятно, Бунин написал оба текста сразу после смерти певца и до отъезда в прибалтийское турне (он выехал из Парижа 20 апреля). Позднее оба очерка, посвященные Ф. Шаляпину, были объединены Буниным и опубликованы под заглавием «О Шаляпине» в газете «Новое русское слово» 11 апреля 1948 г. (№ 13135) и затем вошли в книгу «Воспоминания» 1950-го года.

И газету «Последние новости», и журнал «Иллюстрированная Россия», издаваемые в Париже, многие русские в Прибалтике выписывали. Подписчики журнала получали его каждое воскресенье. В этой связи интересно установить, какой именно отрывок прочел Бунин, выступая в Литве, Латвии и Эстонии – тот, что напечатал раньше, или абсолютно свежий и, вероятно, никем не прочитанный до приезда нобелевского лауреата? Похожим вопросом (только относительно чтения рассказов Бунина) задавалась и Вера Шмидт в своих воспоминаниях, которые мы уже цитировали: «Первым прочел «Кавказ». Почему он его выбрал? Он написал его за шесть месяцев до приезда к нам. Бунин думал, что этот рассказ еще до нас не дошел, но уже незадолго до того появился в «Современных записках» в нашей библиотеке» (Шмидт. С.337). Права ли Вера Шмидт в своих

⁶³ Написан текст был 15 апреля (через три дня после смерти Шаляпина).

⁶⁴ Иллюстрированная Россия – литературно-иллюстративный журнал. Издавался в Париже на русском языке с 1924 по 1939 г. Бунин входил в состав редколлегии журнала.

предположениях, мы проверим, проанализировав остальную часть выступления Бунина.

В первую очередь следует поставить вопрос: читал ли Бунин готовый текст по рукописи или импровизировал устно. Если свести воедино все газетные и прочие свидетельства, то получается, что о Шаляпине Бунин «рассказывал», а о Толстом - «читал». Например, так описывает выступление Бунина «Встречи с моими современниками» газета «Сегодня»⁶⁵:

«И в рассказе писателя о великом певце облик этого непревзойденного артиста встал, овеянный нежной дымкой любви».

«Как-то Шаляпин показал мне фотографическую карточку своего отца, - рассказывает Бунин».

«Рассказал Бунин также о том, как произошло....».

«Рассказал также Бунин об общеизвестном случае с Шаляпиным...».

«Портреты Черткова, Софьи Андреевны, толстовцев Клопского, Хилкова, Волкеништейна и, наконец, самого Льва Николаевича были набросаны Буниним с такой яркостью и жизненностью, что, казалось, видишь живых людей перед собой, разговариваешь с ними, дышишь с ними одним воздухом».

«Особенной силы и выразительности достигли те места доклада, когда он говорил о своем давно минувшем увлечении толстовцем...».

Особенно подробно останавливается на этом Вера Владимировна Шмидт. О выступлении в театре «Ванемуйне» она пишет: «После «Кавказа» прочел «Толстого», «Бунин пропустил при чтении только то место, где он говорил о сходстве Толстого с его отцом»; «Он заулыбался нам, тому, что мы обе покраснели вбежав, но видно было, что он сам под впечатлением того, что прочел. <...> он словно жил еще тем, что только что читал». Однако по-другому характеризует мемуаристка вторую часть выступления: «Вернувшись на сцену, Бунин стал у самой рампы и рассказывал о Шаляпине <...> Рассказ был очень живой, в публике смеялись» (Шмидт: С. 338). Можно предположить, что Бунин решил рассказывать, а не читать потому, что текст воспоминаний был написан совсем недавно и был свеж в памяти.

Мы провели реконструкцию содержания этого рассказа, опираясь на все газетные материалы, которые дают достаточно полное представление о

⁶⁵ Сегодня. 1938. № 126. 1 мая. С. 9.

выступлении Бунина. Наиболее развернуто пишет о нем корреспондент газеты «Сегодня» А. Перов. Начинает журналист так: *«Еще два месяца назад писатель сидел у Шаляпина, который уже тогда был болен. Но ничто не предвещало близкого конца. Шаляпин был бодр, как всегда шутил, много смеялся, не щадил сил и говорил, говорил без конца»*⁶⁶. Далее он передает эпизод, в котором Бунин критически высказывается о модной в свое время тенденции гордиться низким происхождением. *«Как-то Шаляпин показал мне фотографическую карточку своего отца, - рассказывает Бунин. - На карточке был изображен рослый мужчина в крахмальной сорочке с отложным воротником и галстуком, в енотовой шубе нараспашку. Служил отец Шаляпина в земской управе. Сказать, чтобы эта фотография говорила о том, что Шаляпин поднялся с самого дна, - нельзя»*. Далее Перов пишет, что Бунин рассказал, как началось их знакомство с Шаляпиным, как певец не щадил себя. Потом Перов продолжает: *«Рассказал также Бунин об общеизвестном случае с Шаляпиным, когда он вместе с хором опустился на колени на сцене Мариинского театра перед царской ложей, рассказал также о том, как Шаляпин приезжал на Капри, где он поразил итальянцев своим пением»*⁶⁷.

Не менее подробно описывает вечер Бунина, прошедший в Тарту, эстонская газета «Постимеэс». Корреспондент также начинает с того, как нобелевский лауреат виделся с Ф.И. в последний раз. *«Описывая Шаляпина, выступающий назвал его северно-русской натурой, которой был Ломоносов и другие русские с севера»*, - резюмирует журналист и далее упоминает о любви Шаляпина подчеркивать свою «русскость» и «низкое происхождение». Затем газета пишет о том, о чем не упоминалось в «Сегодня», - об истории знакомства Бунина с оперным певцом. *«Бунин не помнит, когда в первый раз познакомился с Шаляпиным, но помнит, как в одном московском ресторане-трактире они перешли на ты»: «В большом зале ресторана что-то наигрывал оркестр. Вдруг появился Шаляпин, высокого роста, с длинными желтыми волосами. Он подал знак, чтобы оркестр прекратил играть, а сам продолжил ту же самую песню один. Потом началась порядочная попойка. Когда пришло время расходиться, Шаляпин, несмотря ни на какие протесты, сказал, что хочет отнести Бунина в*

⁶⁶ Сегодня. 1938. № 120. 1 мая. С. 9.

⁶⁷ Там же.

его номер на пятый этаж. Туда Шаляпин велел принести еще бутылку столетнего бургундского вина и заплатил за это сто рублей. Вино, однако, было слишком старым и походило на малиновый сок».

Последнее, о чем говорит «Постимеэс»: Шаляпин не давал бесплатных конкетов, так как *«Бесплатно только птички поют»*. Последние штрихи вносит публикация в «Пяэвалехт». Таллиннская газета упоминает, со слов Бунина, об отношении Толстого к Шаляпину: *«Что касается пения Шаляпина, то на это Толстой сказал: «Он поет слишком громко»»*. Также журналист «Пяэвалехт» передает тот трогательный момент из рассказа Бунина, когда Шаляпин слушал свое пение, записанное на пластинках: *«Будучи больным в Париже, Шаляпин со слезами слушал свое пение по граммофону, говоря: «Неплохо пел этот человек»»*.

Сопоставив материалы газет со статьей Бунина в «Последних новостях» и в «Иллюстрированной России», мы пришли к выводу, что нобелевский лауреат знакомил слушателей с очерком «Его памяти», который был опубликован первым.

Из «Иллюстрированной России» в выступление Бунина вошел лишь эпизод коленопреклонения перед императором Николаем II. *«- Был бенефис императорского оперного хора, вот хор и решил обратиться на высочайшее имя с просьбой о прибавке жалованья, которое было просто нищенским, воспользоваться присутствием царя на спектакле и стать перед ним на колени. И обратился и стал. И что же мне, тоже певшему среди хора, было делать? <...> Одному торчать над всем хором телеграфным столбом? Ведь это же был бы форменный скандал!»⁶⁸*.

Интересно то, что Бунин как будто специально выбирает для выступлений именно тот текст, который уже мог быть знаком публике. Первое выступление Бунина состоялось в Каунасе 24-го числа, через неделю после выхода газеты, и можно было сомневаться, успели ли слушатели познакомиться с очерком «Его памяти». В Тарту Бунин читал «Встречи с моими современниками» 9 мая, и сюда газета уже точно успела дойти к тому времени. Однако судя по воспоминаниям очевидцев, текст большинству публике все-таки был незнаком. Например, В. В. Шмидт, почитательница творчества Бунина, в своих мемуарах «Встречи в Тарту» подробно останавливается на воспоминаниях писателя о Толстом, но почти

⁶⁸ Там же.

ничего не пишет о той части выступления, где речь шла о Шаялине, объясняя тем, что ничего не запомнила. Вероятно, этот текст она просто не читала. Как свидетельствуют воспоминания Перова, не всем была знакома и «Жизнь Арсеньева», что говорить о только что вышедшем газетном очерке? Заметим, что, судя по мемуарам и газетам, больше всего понравились публике воспоминания о Толстом, которые уже не раз публиковались. Как писали газеты: «Новое было в этих воспоминаниях то, что публика слышала их от живого свидетеля, от того, кто лично сидел и разговаривал со Львом Николаевичем Толстым и с его окружением»⁶⁹. Видимо, именно на этом и строил Бунин свою стратегию, готовя литературные вечера, – не новая информация, а живой голос живого современника.

2.2. О Толстом

Толстой для Бунина был той темой, к которой писатель постоянно обращался на протяжении всей своей жизни – с юношеских лет и до конца дней своих. Венцом размышлений Бунина над великим писателем стала книга «Освобождение Толстого», увидевшая свет 7 июля 1937 года в Париже. Можно сказать, что первые страницы этой книги появились за 10 лет до ее выхода – в 1927 году Бунин опубликовал свои воспоминания «О Толстом» в журнале «Современные записки»⁷⁰. Затем с небольшими изменениями они были помещены в VI главе книги «Освобождение Толстого». Другие отрывки этой книги были опубликованы уже незадолго до ее выхода в газете «Последние новости» в 1937-м году: 14 марта (Особенности Толстого I), 21 марта (Особенности Толстого II), 28 марта (Особенности Толстого III), 11 апреля (Особенности Толстого IV), 16 июня (Вера Толстого). Книга «Освобождение Толстого» - это «религиозно-моралистический трактат» о писателе, а не мемуары или свод воспоминаний современников. Своими личными впечатлениями о встречах с Толстым Бунин делится лишь в VI главе. Читал ли Бунин те же воспоминания и в Прибалтике?

⁶⁹ Эхо. 1938. № 111. 25 апреля.

⁷⁰ Бунин И. О Толстом // Современные записки. 1927. Кн. XXXII. С. 5-18.

По свидетельству вышеупомянутой Татьяны Ратгауз, Бунин на своем литературном вечере читал «статейку из «Современных записок»⁷¹, то есть актриса имела в виду воспоминания «О Толстом» 1927-го года. Для того чтобы установить, так ли это, мы провели аналогичный сопоставительный анализ источников, как и в предыдущем параграфе.

Первая статья, которая дает нам представление о содержании выступления Бунина о Толстом, была опубликована 30 апреля в газете «Яунакас Зиняс». В ней автор пишет: *«Наиболее привлекательным был его рассказ о Льве Толстом, последователем которого в молодости был и Бунин; он даже предпринял продажу запрещенных произведений Толстого, за что был приговорен русским правительством к трем месяцам тюремного заключения»*⁷².

В газете «Сегодня» журналист А. Перов рассказывает, что Бунин вспоминал и об окружении Толстого: *«Последняя часть была посвящена Толстому. Его Бунин хорошо знал и, как говорит сам писатель, он рано начал мечтать о счастье видеть его. Портреты Черткова, Софьи Андреевны, толстовцев Клопского, Хилкова, Волкеништейна и, наконец, самого Льва Николаевича были набросаны Буниным с такой яркостью и жизненностью, что, казалось, видишь живых людей перед собой, разговариваешь с ними, дышишь с ними одним воздухом»*⁷³. Затем Перов так же, как и автор предыдущей статьи, упоминает об увлечении Бунина толстовством.

Из эстонских газет подробно описывает выступление писателя «Постимезс»⁷⁴. Автор статьи пишет следующее: *«Бунин мечтал увидеть Толстого с ранней молодости. Но как с ним познакомиться, и может, даже остаться в числе его приближенных – это был уже сложный вопрос. «Ведь я не мог приехать в Ясную Поляну просто так и сказать, Лев Николаевич, я приехал вас увидеть»». Далее журналист продолжает: «Бунин много слышал о Толстом, так как его отец участвовал вместе со Львом Николаевичем в Крымской войне. Отец также с удовольствием рассказывал, как соседи читают «Войну и мир»: Один читает только войну, другой – только мир. То есть один читает только то, что касается войны, пропуская страницы, касающиеся мира; другой читает,*

⁷¹ Письмо Т. Ратгауз к Э. Чегринцевой, 3 мая 1938. Цит. по: Мельников Н. Литературный мир о творчестве И.А. Бунина, М., 2010.

⁷² Яунакас Зиняс. 1938. № 96. 30 апреля.

⁷³ Сегодня. 1938. № 120. 1 мая. С. 9.

⁷⁴ Postimees. 1938. № 126. 10. mai. Lk. 2.

наоборот, все, что касается мира, пропуская важные места о войне». Не пропускает репортер и эпизода о том, как Бунин пытался стать последователем Толстого: «Как и многие другие в то время, Бунин стремился стать толстовцем, стараясь жить просто, кушая простую пищу, в основном растительную. Он даже сам себе сделал одну пару обуви, хотя в итоге ее не носил».

Весьма подробно газета «Постимеэс» рассказывает о первой встрече И. А. с Львом Николаевичем: *«И когда, наконец, его взяли с собой в Москву к Толстому – ехали они в третьем классе, с пересадками – ведь принцип толстовцев заключался в опрощении и в том, чтобы как можно больше соприкоснуться с простым народом»; «Его провели в зал. Там появился Толстой. Его взгляд, внешность и поведение могли показаться с первого взгляда таким, как у руководителя. Но как только он начал говорить, сразу исчезло это впечатление. Толстой спросил – не приходится ли он сыном военному Бунину и не пишет ли он? Потом дал совет – пишите, если вам это нравится, но это никак не может быть целью жизни. Услышав о том, что Бунин тоже толстовец, сказал опять – не делайте из этого себе мундира, хорошим человеком можно быть при любом образе жизни».*

Передал репортер эстонской газеты и два известных случая из встреч Толстого со своими последователями: *«Раз в обществе Толстому задали вопрос – как быть и что делать, если тигр набросится и сожрет тебя, а ты его сразу не убьешь. У тигра есть право на убийство, а у человека нет. Толстой улыбнулся и сказал утешительно – Я уже старый человек и никогда не видел тигра». «Однажды Толстого пригласили в общество трезвости. Толстой удивился такому собранию и сказал – если уж люди собираются, то надо пить, иначе нет смысла собираться для того, чтобы не пить».*

Выше мы упоминали, что статья «О Толстом» 1927 года через десять лет вошла в книгу «Освобождение Толстого», но с некоторыми изменениями в стилистике и в содержании. Судя по материалам газет, И.А. читал в Прибалтике воспоминания из своей новой книги. На это указывает тот факт, что ни один из периодических источников не упоминает эпизода знакомства Чехова с Толстым:

«И чуть не час решал, в каких штанах ехать. Одеваясь, сбросил пенсне, помолодел от возбуждения и, мешая, по своему обыкновению, серьезное с

шуткой, все выходил из спальни то в одних, то в других штанах: — Нет, эти неприлично узки! — говорил он. — Подумает — целкопер, Чехонте...»⁷⁵.

С этого эпизода начинается статья «О Толстом», но в книгу «Освобождение Толстого» он не вошел. Изменения в редакции воспоминаний были произведены и в обратную сторону: VI глава книги рассказывает о том, что не публиковалось в 1927-м году. Так, в Прибалтике, судя по материалам газет, Бунин рассказывал о толстовцах и о Софье Андреевне, о чем писал в «Освобождении Толстого»: *«Я видел "самого" Черткова. Это был высокий, крупный, породистый человек с небольшой, очень гордой головой, с холодным и надменным лицом, с ястребиным, совсем небольшим и прекрасно сформированным носом и с ястребиными глазами»⁷⁶.* Через описание Черткова вводится и образ Софьи Андреевны: *«Софья Андреевна была очень талантлива художественно, - то ли от природы, то ли от того, что прожила три четверти жизни с Толстым. Часто она говорила с необыкновенной меткостью. Однажды сказала про какого-то революционера, посетившего Ясную Поляну: "Пришел, сел и сидит. Упорно молчит, неподвижное лицо, очень черный брюнет, синие очки и кривой глаз". А Черткова она называла "идолом". Я видел его всего раз или два и не решаюсь судить точно, что он был за человек. Но впечатление от него у меня осталось такое, что лучше и не скажешь: "идол"»⁷⁷.* После описания Черткова, Бунин в своей книге пишет о случае с комаром, о котором ему рассказала Александра Львовна: *«Обедали на террасе, было жарко, комары не давали покоя. Они носились в воздухе, пронзительно и нудно жужжали, жалили лицо, руки, ноги. Отец разговаривал с Чертковым, остальные слушали. Настроение было веселое, оживленное, остряли, смеялись. Вдруг отец, взглянув на голову Черткова, быстрым, ловким движением хлопнул его по лысине. От налившегося кровью, раздувшегося комара осталось кровавое пятнышко. Все расхохотались, засмеялся и отец. Но внезапно смех оборвался. Чертков, мрачно сдвинув красивые брови, с укоризной смотрел на отца.*

⁷⁵ Бунин И. О Толстом // Современные записки. 1927. Кн. 32. С. 5.

⁷⁶ Бунин И.А. Освобождение Толстого. М., 1988. С. 44.

⁷⁷ Там же

- *Что вы наделали?* - проговорил он. - *Что вы наделали, Лев Николаевич! Вы лишили жизни живое существо! Как вам не стыдно?»*⁷⁸. В «Современных записках» этот случай не описан.

Кроме того, газеты цитируют Бунина: «Мечтать о счастье видеть его я начал очень рано». С этих слов начинается VI глава «Освобождения Толстого», но в статье из «Современных записок» их нет. Это еще одно доказательство того, что И.А. во время своего вечера читал не старую статью, написанную более десяти лет назад, а более свежий текст – шестую главу из книги «Освобождение Толстого». Несмотря на то, что воспоминания Бунина о Толстом были большей части публики известны, они показались зрителям наиболее интересными. Мы уже приводили отзыв газеты «Сегодня»: «Последняя часть была посвящена Толстому. Эта часть была особенно интересна»⁷⁹.

Стоит также упомянуть, что во время своих выступлений в Брюсселе (1935) и Праге (1936) Бунин также читал воспоминания о Толстом и, по всей видимости, тот же самый текст. «Русский еженедельник в Бельгии» о выступлении Бунина писал следующее: «Спокойно, не торопясь, И. А. берет книгу⁸⁰ и начинает читать громко и отчетливо, с особенной яркостью выговаривая каждое слово». «И. А. Бунин начал со своих воспоминаний о встречах с гр. Л. Н. Толстым, когда был молодым, начинающим писателем. С большой робостью И. А. ищет встречи с гр. Толстым, в то время самым большим писателем не только России, но и всего культурного мира, основателем целой секты толстовцев <...>. В конце концов, спустя продолжительное время, свидание И.А. с гр. Толстым состоялось в Москве. И те восторженно незабвенные минуты первого и последующих свиданий дали богатый и интересный материал для рассказа, полного молодого, задорного анализа и наблюдений»⁸¹.

Из краткого пересказа рассказа Бунина понятно, что нобелевский лауреат читал VI главу на тот момент еще не изданной книги «Освобождение Толстого». Так же, как и в Прибалтике, в Бельгии выступления Бунина очень понравились публике. Хотя, конечно, зрителям хотелось большего. «Русский еженедельник в Бельгии» пишет, что всем очень хотелось услышать и чтение стихов Бунина, но

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Сегодня. 1938. № 119. 30 апреля.

⁸⁰ Видимо, речь идет о тетради, так как на тот момент книга «Освобождение Толстого» еще не вышла из печати.

⁸¹ Русский еженедельник в Бельгии. 1935. 22 ноября. С. 2.

«утомленной и немного простуженный И.А. не мог исполнить этого скромного желания». В конце статьи репортер еженедельника заключает: «О чем говорила публика, не спеша направляясь к выходу из зала? Большинству хотелось слышать импровизированную речь писателя на тему об исполнившемся 25-летию со смерти гр. Л.Н. Толстого». Можно сказать, что с похожими чувствами вышла из зала и прибалтийская публика: довольная, но ожидавшая свежих, ранее не печатавшихся произведений.

Если говорить о сбывшихся и несбывшихся надеждах, то, судя по отзывам, надежды слушателей, в основном, оправдались. Залы, за исключением Даугавпилса, были полны, прием был теплым, оценки (газетные и мемуарные) – высокими. Что же касается ожиданий самого Бунина, то для него турне оказалось, скорее, неудачным. Писатель ехал в Прибалтику заработать, но, несмотря на то, что чтения пользовались большим интересом у публики, в материальном плане проект оказался провальным. Гастроли, по всей видимости, была плохо организованы и в бюджетном отношении не просчитаны – ведь нужно было заплатить за проезд, проживание, аренду зала, а также налоги с выступлений. В результате полученный остаток не мог оказаться внушительным. Кроме того, в интервью 1933 г. писатель говорил, что хотел бы «проехать через Ревель, побывать в Риге, в **нашей родной обстановке**»⁸². Насколько это желание оправдалось в 1938 г., судить трудно: Бунин не оставил никаких свидетельств о своих чувствах и впечатлениях. Однако, судя по рассказу Веры Шмидт, Эстония все-таки напомнила Бунину потерянную родину. На это указывает уже приводившийся нами отрывок из ее воспоминаний - о том, как поразил Бунина извозчик с дугой, как в России (Шмидт. С 333).

Конечно, были и другие приятные моменты за время поездки писателя. Здесь Бунин встретился здесь со старыми друзьями и знакомыми, укрепил новые контакты. После личных встреч со своими корреспондентками из Эстонии М.В. Карамзиной и В.В. Шмид он продолжил с ними более интенсивную и сердечную переписку и помог М.В. Карамзиной с изданием сборника «Ковчег».

⁸² *Перов А.К.* Бунин в Риге (Из воспоминаний журналиста) // Труды по русской и славянской филологии. XXIV. Литературоведение // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 358. С. 356.

Заключение

В настоящей работе мы рассмотрели визит И. А. Бунина в Эстонию в 1938 году с точки зрения цели этой поездки – литературных чтений, за счет которых писатель рассчитывал решить свои финансовые проблемы. Прибалтийскому турне предшествовало путешествие по Европе по издательским делам⁸³. С гастролями же нобелевский лауреат отправился впервые, хотя и планировал осуществить эту поездку давно.

Но прежде чем приступить к изучению лекции Бунина (так называли его выступление в периодической печати), мы в очередной раз обратились к встречам писателя с местной интеллигенцией, так как эта сторона «командировки» Бунина по-прежнему оставляет много нерешенных вопросов. В ходе данной работы мы проанализировали сборник «Последнее свидание», воспоминания и переписку В.В. Шмидт с писателем, мемуары Т.П. Милютиной, письма М.В. Карамзиной и И.А. Бунина, а также материалы местной прессы. В ходе анализа мы попытались очертить границы между фактами, не подлежащими сомнению, и их интерпретацией разными очевидцами, а также зародившимися вокруг событий мифами. Мы стремились разобраться, почему сложились именно такие мифологические сюжеты о пребывании русского писателя в Эстонии.

Подводя итоги, подчеркнем еще раз, что воспоминания Ю.Д. Шумакова, опубликованные в его же сборнике «Последнее свидание», не являются, на наш взгляд, достоверным источником. Мемуары Шумакова и составленный им сборник не только заключают в себе мифы, но и порождают новые, создавая иллюзию наиболее подробного источника сведений о визите Бунина, на которые опираются последующие исследователи. Конечно, мемуары – жанр субъективный, и, насколько мы можем судить, в одну из задач Ю.Д. Шумакова входило поставить себя в центр повествования, показать, насколько он был приближен к И.А. Бунину, каким доверием и расположением пользовался у писателя. Свою значимость он еще более увеличивает, красочно описывая (и скорее всего, значительно преувеличивая) несложившиеся встречи писателя с другими почитателями его творчества. Также весьма сомнительными становятся

⁸³ Хотя в ряде случаев (в Праге, в Брюсселе), как нам удалось установить, Бунин все-таки выступал перед публикой.

эпизоды с каждодневными прогулками нобелевского лауреата с неизвестным (или малоизвестным) ему человеком, тем более, учитывая, что у писателя было мало времени встретиться наедине с М.В. Карамзиной, чьей дружбой он дорожил.

Другой задачей (она же и главная) нашей работы было реконструировать содержание выступления Бунина в Эстонии. Здесь писатель прочел лекцию на тему «Встречи с моими современниками», а также несколько своих рассказов. Мы привлекли русские и эстонские газеты за май 1938 года, а также воспоминания В.В. Шмидт. В ходе анализа данных материалов нам удалось установить, что нобелевский лауреат прочел «Очерк его памяти», написанный накануне визита в Прибалтику в связи с кончиной Ф.И. Шаляпина, и VI главу из недавно вышедшей книги писателя «Освобождение Толстого». По всей видимости, основная программа концерта сложилась буквально перед отправлением писателя в прибалтийское турне, так как афиши обещали жителям Литвы, Латвии и Эстонии воспоминания о Толстом, Чехове, Горьком, Куприне. Смерть близкого друга, Федора Шаляпина, явно заставила Бунина пересмотреть свои планы, поэтому вопрос о том, почему героем воспоминаний на вечере «Встречи с моими современниками» стал знаменитый оперный певец, отпадает сам собой. Следует отметить, что жители Прибалтики не только слышали, но и не раз видели Шаляпина. Последний его концерт в Латвии прошел в 1934 году. Не случайно рижская газета отметила тот факт, что «Шаляпина Рига, как, впрочем, и все города мира, боготворила. Среди рижан имеется немало лиц, которые могут похвастаться знакомством с великим русским артистом, а некоторые даже и дружбой»⁸⁴. В Эстонии Шаляпин также бывал. В 1923 году в Таллинне он дал три концерта. Становится очевидным, что для жителей Прибалтики чтения Бунина о Шаляпине были актуальны и интересны.

Также вполне естественным нам представляется и выбор второго героя вечера. Лев Толстой был очень важной фигурой в жизни и творчестве Бунина, кроме того, совсем недавно вышла его книга «Освобождение Толстого». Так же, как и в случае с Шаляпиным, многие из прибалтийских эмигрантов могли если не быть знакомыми лично, то хотя бы когда-то встречать графа Толстого.

Примечательным для нас стало то, что Бунин читал ранее опубликованные произведения вопреки ожиданиям зрителей. Даже два очерка о Шаляпине Бунин

⁸⁴ Сегодня. 1938. № 127. 6 апреля.

успел опубликовать до отправления в Прибалтику, причем для выступления выбирает именно тот из двух текстов, который был напечатан раньше и точно дошел до Литвы, Латвии и Эстонии к приезду писателя. В данной работе мы делаем предположение, что Бунин и хотел прочесть известные публике тексты, придавая им своим живым исполнением новую форму, второе дыхание. Как сообщают газеты, несмотря на желание публики услышать от писателя и другие воспоминания, она осталась довольна – было интересно услышать воспоминания о современниках от живого свидетеля. Стоит также отметить, что с теми же самыми воспоминаниями о Толстом Бунин ездил в Брюссель на 25-летие со дня кончины писателя, тот же самый текст он читал и в Праге. Лекции Бунина в этих городах точно так же имели большой успех.

Есть и другая причина успеха Бунина в Прибалтике. Во-первых, культурная жизнь русских эмигрантов не была насыщенной крупными событиями, поэтому приезд всемирно знаменитого писателя вызвал большой интерес у местной русской общины. Так же обстояло дело и с поездкой Бунина по Европе. Визит нобелевского лауреата в каждую страну приковывал внимание местной эмигрантской прессы, а также активизировал деятельность писательских союзов и общественных организаций. Во-вторых, стоит принять во внимание и тот факт, что эмигранты были оторваны от родины. Для них визит первого русского писателя, который получил нобелевскую премию, был больше, чем событие в культурной жизни. Недаром во время пребывания Бунина в Брюсселе Б. Г. Гартман⁸⁵ сказал, обращаясь к писателю, «что многие из эмигрантов теряют веру в возрождение России, что жизнь складывается так, что как будто мы идем разными путями – Россия и мы – расходимся и, быть может, никогда не встретимся. Но пока среди нас находятся такие таланты как И. А. Бунин, мы не имеем права терять надежду на возвращение в Россию и на ее возрождение»⁸⁶.

Точно так же и приезд русского писателя в Эстонию с воспоминаниями о русском самородке и о великом художнике слова вызвал у эмигрантов и чувство ностальгии, и надежду на возвращение утерянной родины.

⁸⁵ Гартман Борис Георгиевич - генерал-майор свиты Е.И.В. Фактически возглавлял русскую колонию в Брюсселе.

⁸⁶ Русский еженедельник в Бельгии. 1935. 22 ноября. С. 2.

Список использованной литературы

I

1. *Бунин И.А.* Письма к М.В. Карамзиной (1937- 1940) // Литературное наследство: Иван Бунин. М., 1973. Т. 84. Кн. 1.
2. *Бунин И.А.* Письма к В.В. Шмидт: 1938 - 1944 // Литературное наследство: Иван Бунин. М., 1973. Т. 84. Кн. 2.
3. *Бунин И.* Нобелевские дни // *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9.
4. Устами Буниных. Дневники И.А. и В.Н. Буниных / Сост. М. Грин. М., 2005. Т. 2.

II

5. Эхо. 1933. 1.12-12.12.
6. Русский еженедельник в Бельгии. 1935. 11 ноября.
7. Последние новости. 1935-1938.
8. Сегодня. 1935-1938.
9. Вести дня. 1938. 26.04-12.05.
10. Русский вестник. 1939. 26.04-12.05.
11. Советская Эстония. 1970. № 246. 22 октября.
12. Postimees. 1938. 1.05-11.05.
13. Päevaleht. 1938. 1.05-11.05.
14. Rahvaleht. 1938. 1.05-11.05.
15. Sakala. 1938. 1.05-11.05.

III

16. *Бунин И.А.* О Толстом // Современные записки. 1927. Кн. XXXII.
17. *Бунин И.А.* Босоножка // Иллюстрированная Россия. 1936. № 24. 6 июня.
18. *Бунин И.А.* О Шаляпине // Иллюстрированная Россия. 1938. № 19. 30 апреля.
19. *Бунин И.А.* Из книги «Освобождение Толстого» // Русские записки. 1937. Кн. I.

20. Бунин И.А. Освобождение Толстого. М., 1988.

IV

21. Карамзина М.В. Письма М.В. Карамзиной к В.В. Шмидт // Карамзина М.В. Ковчег. Таллинн, 2008.
22. Милютин Т.П. Люди моей жизни. Тарту, 1997.
23. Перов А.К. Бунин в Риге (Из воспоминаний журналиста) // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1975. Вып. 358 / Труды по русской и славянской филологии. XXIV. Литературоведение.
24. Последнее свидание: Материалы о посещении И.А. Буниным Прибалтийских государств в 1938 году / Составитель Ю.Д. Шумаков. Таллинн, 1992.
25. Шмидт В.В. Встречи в Тарту // Литературное наследство: Иван Бунин. М., 1973. Т. 84. Кн. 2.
26. Шмидт В.В. Из воспоминаний в Обществе русских студентов // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение, III. Тарту, 1999.
27. Шмидт В.В. Завет: «Сохрани». Встреча и переписка // Карамзина М.В. Ковчег. Таллинн, 2008.
28. Шумаков Ю.Д. Игорь-Северянин и его окружение в Эстонии: другая биография поэта. Таллинн, 2007.
29. Sibul, A. A. H. Tammsaare ise sõidust ja Ivan Buninist // Keel ja Kirjandus. 1973. Nr. 12.
30. Teder, E. Mälestusi A. H. Tammsaarest. Tallinn, 1978.
31. Treier, Elem. Tammsaare elu härra Hansenina. Tallinn, 2011.

V

32. Бабореко А.К. Бунин. Жизнеописание. М., 2004.
33. Бакунцев А. Триумфатор и прагматики. К истории взаимоотношений И.А. Бунина с рижской газетой «Сегодня» (1933-1938) // Медиаскоп: электронный научный портал факультета жур-ки МГУ им. Ломоносова. 2009. № 3. <http://mediascope.ru/node/403> (20.05.2012)

34. *Бакунцев А. И.А.* Бунин в Латвии. Долгое приближение (1933–1938) // Медиаскоп: электронный научный портал факультета жур-ки МГУ им. Ломоносова. 2010. № 2. <http://mediascope.ru/node/560> (11.05.13).
35. *Бакунцев А. И.А.* Бунин в Латвии. Знатный гость (апрель-май 1938 г.) // Медиаскоп: электронный научный портал факультета жур-ки МГУ им. Ломоносова. 2012. № 1. <http://www.mediascope.ru/node/1010> (11.05.13).
36. *Бакунцев А.* Прибалтийское турне Ивана Бунина // Иные берега. 2010. № 4. <http://www.inieberega.ru/node/297> (11.05.13).
37. *Бакунцев А.* Прибалтийское турне Ивана Бунина // Иные берега. 2011. № 1. <http://www.inieberega.ru/node/311> (11.05.13).
38. *Бакунцев А.* Прибалтийское турне Ивана Бунина // Иные берега. 2011. № 2. <http://www.inieberega.ru/node/332> (11.05.13).
39. *Бонгард-Левин Г.* Кто в праве увенчивать? // Наше наследие: образовательный портал 2001. № 59 – 60. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6017.php> (20.05.2012).
40. *Исаков С.Г.* Культура русской эмиграции в Эстонии 1918 – 1940. Таллинн, 2011.
41. *Куденис В.* «Глас вопиющей в литературной пустыне: 3. А. Шаховская и русская эмиграция в Бельгии» // *Revue des études slaves*. 2001. Том 73. Вып. 1. http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_2001_num_73_1_6705
42. *Казнина О.А.* Русские в Англии. Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. М., 1997.
43. *Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901-1955). Кёльн, 2007.
44. *Меймре А.* Русские литераторы-эмигранты в Эстонии 1918-1940 на материале периодической печати. Таллинн, 2001.
45. *Юнгрен М.* Русские писатели в борьбе за Нобелевскую премию // Юнгрен М. На рубеже веков. Российско-скандинавский литературный диалог: Докл. межд. науч. конф. Москва, 23–27 апреля 2000 г. М., 2001.
46. *Ђурић Бобан.* Буњин 1937. године у Београду // Из живота руског Београда. Б., 2011.

VI

47. Rongide sõiduplaan: kehtiv 2.oktoobrist 1938. a. kuni korralduseni, Tallinn, 1938.
48. Tartu Ülikooli loengute ja praktiliste tööde kava: 1938. aasta I poolaastal. Tartu, 1938.
49. Eesti aadress-raamat 1938-1939. Tallinn, 1938.

Приложения

Хронология визита Бунина в Тарту⁸⁷

День первый - 05.05.1938, четверг

14.30 - прибыл в Тарту, встреча на железнодорожном вокзале.

Ок. 15.00 – прибыл в “Гранд-Отель” (*Vallikraavi 10*)

Ок. 16.00 – прогулялся по городу (в интервью и *Postimees*⁸⁸, и *Päevaleht*⁸⁹ Бунин утверждает, что уже успел погулять по Тарту)

Ок.17.00 – встретился с журналистами в Гранд-Отеле (хотя, согласно *Eesti Päevaleht*⁹⁰, Бунин встретился с журналистами около 7 часов, но, возможно, это опечатка: 7.00 vs 17.00)

К 18.00 – послал записку к Вере Шмидт из ресторана „Kuld Lõvi“ (*Gustav-Adolfi 6*)

Ок.19.00 – встретился с Верой Шмидт в ресторане „Kuld Lõvi“.

Ок. 20.00 – Встреча в Обществе Русских студентов (*Gustav-Adolfi 8*)

Ок. 21.00 – гулял с Верой Шмидт по городу

День второй - 06.05. 1938, пятница

Утро: завтрак в честь И.А. Бунина

[Встреча с Ю.Д. Шумаковым; прогулка до Глав. Почтамта (*Rüütli 15*)]

15.00 – нач. 18.00 – Вера Шмидт пришла в Гранд-Отель со своими «писаниями»

День третий - 07.05.1938, суббота

[Утро: посещение библиотеки Тартуского университета (*Tootetägi*) и посещение могилы М.А.Протасовой-Мойер (*Uspenski Kalmistu*) в сопровождении Ю.Д. Шумакова]

Вечер: ужин у Булгариных

День четвертый - 08.05.1939, воскресенье

Обед у Курчинских⁹¹ (*Juhan Liivi* / бывш. *Hetseli 2, k. 4*)

День пятый - 09.05.1938, понедельник

14.00 – обед в честь А.Х. Таммсааре в „Гранд-Отель“⁹² (*Vallikraavi 10*)

20.00 – лекция И.А. Бунина в зале театра „Ванемуйне“ (*Aia 6*)

День шестой, последний - 10.05.1938, вторник

12. 00 - Обед у Бежаницких⁹³

13.30 – хозяева и гости пошли пешком провожать Ивана Бунина на железнодорожный вокзал (*Vaksali 6*)

15. 00 - Отправление в Таллинн

⁸⁷ В квадратных скобках и курсивом обозначены события, нашедшие отражения только в мемуарах Ю.Д. Шумакова.

⁸⁸ *Postimees*. 1938. № 122. 06. mai.

⁸⁹ *Päevaleht*. 1938. № 122. 06. mai.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ *Шмидт В.В.* Завет: «Сохрани». Встреча и переписка // Карамзина М.В. Ковчег. Таллинн, 2008. С. 117

⁹² *Uus eesti*. 1938. № 128. 10. mai; *Päevaleht*. 1938. № 126. 10. mai.

⁹³ *Шмидт В.В.* Встречи в Тарту // Литературное наследство: Иван Бунин. М., 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 338

Имя Бунина на страницах периодической печати Эстонии и Латвии

Эстонские газеты за период с 1.05.1938 по 11.05.1938:

	1.05	2.05	3.05	4.05	5.05	6.05	7.05	8.05	9.05	10.05	11.05
<u>Põhja-Kodu</u>		-		-		-			-		-
<u>Pealinna Teataja</u>				-			-				-
<u>Postimees</u>	-	-	-	-	№ 121. Lk. 7: Ivan Bunini loeng esmaspäeval; Lk. 8 – объявление о лекции	№ 122. Lk. 3: Vene kirjanik I. Bunin Tartus; Nobeli laureaat jutustab	№ 123. Lk. 12: объявление о лекции	-	№ 125. Lk. 5: стихотворение Бунина в пер. Шумакова. Lk. 7 в рубрике Tartu teated: «Täna Ivan Bunini loeng»; Lk. 8 - объявление о лекции	№ 126. Lk. 2: Tolstoist ja Shaljapinist	-

<u>Päevaleht</u>	-	-	-	-	-	№ 122. Lk. 5: Kuulus Nobeli laureaat Eestis; Kirjanik Ivan Bunin jõudis Tartusse ja külastab ka Tallinna, Lk. 8: Vene kirjaniku Ivan Bunini loeng "Estonias" (в рубрика Teater ja Muusika)	№ 123. Lk. 15: Ivan Bunini loeng - объявление о лекции	№ 124. Lk. 5: Vene kirjaniku Ivan Bunini loeng "Estonias" (рубрика Teater ja Muusika)	№ 125. Lk. 5: Tartu austas kirjanik Tammsaaret; Lk. 6 Vene kirjaniku Ivan Bunini loeng "Estonias" (в рубрике Teater ja Muusika). Lk. 9: Ivan Bunini loeng - объявление о лекции	№ 126. Lk. 5: A.H.Tammsaare tutvus Nobeli laureaadi Ivan Buniniga Ivan Bunin kõneles Tartus ⁹⁴ ; Lk. 7: Ivan Bunini loeng "Estonias" (в рубрике Teater ja Muusika)	№ 127. Lk. 6: Ivan Bunini loeng "Estonias" (в рубрике Teater ja Muusika).
<u>Rahva sõna</u>						-					
<u>Rahva leht</u>			-		-		№ 53. Lk. 6: Ivan Bunini loeng "Estonias"- объявление лекции			№ 54. Lk. 16: Ivan Bunini loeng "Estonias -объявление о лекции". Lk.18: Ivan Bunini loeng „välja müüdid“	

⁹⁴ Тут допущена ошибка – пишут, что в понедельник вечером Бунин покинул Тарту, на самом деле – во вторник.

<u>Sakala</u>											№ 55. Lk.11: Bunin Tallinnas Lk.3: A.H. Tammsaare austamine Tartus
<u>Tallinna post</u>						-					
<u>Teataja</u>		-		-		-			-		-
<u>Uus Eesti</u>					№ 124. Lk.4: Ivan Bunin Eestis		№ 126. Lk. 8: Estonia kontserdisaal. Ivan Bunini loeng	№ 127. Lk. 4: Tartu noored austasid A.H. Tammsaaret	№ 128. Lk. 4: Ivan Bunini looming Lk. 4: Tammsaare lahkus Tartust Lk. 6: Schaljapinist ja Tolstoist: Tolstoj arvas, et Schaljapin lauab liiga kõvasti Lk. 10 Estonia kontserdisaal. Ivan Bunini loeng	№ 129. Lk. 2: I. Bunin saabus sajuga: Jaamas oli palju vastuvõtjaid. Lk. 10: Estonia kontserdisaal. Ivan Bunini loeng	

Русские газеты, издававшиеся в Эстонии, за период с 26.04.1938 по 13.05.1938

	26.04	1.05	2.05	3.05	4.05	5.05	6.06	7.05	8.05	9.05	10.05	11.05	12.05
<u>Вести дня</u>	№ 92. С. 2 объявление	-	-	№ 98. С. 1: И. Бунин прочтет лекции в Тарту и Таллинне	-	-	№ 101. С. 1: И.А. Бунин приехал в Тарту	№ 102. С. 1: Лекция И.А. Бунина в «Эстония». С. 2: Объявление		№ 103. С. 1: И.А. Бунин завтра приезжает в Таллинн; С. 2: Объявление	№ 104. С. 1: Лекция И.А. Бунина в Тарту; С. 2: Объявление	№ 105. С. 1: Завтра И.А. Бунин покидает Таллинн	№ 106. С. 1: Вечер И. А. Бунина и чествование его на банкете (без фото)
<u>Русский вестник</u>					№ 4. С. 1: И. Бунин прочтет лекции в Тарту и Таллинне			№ 35. С. 1: И. А. Бунин приехал в Тарту; С. 2: К приезду И.А. Бунина в Эстонию				№ 36. С. 1: Лекция И. А. Бунина в Тарту; С. 2: И.А. Бунин вчера приехал в Таллинн	№ 37. С. 2: Вечер И. А. Бунина и чествование его на банкете (с фотографи- ей)
<u>Старый Нарвский Листок</u>												№ 52. С 2: И. А. Бунин в Таллинне ⁹⁵	13.05 № 53. С. 2: И. А. Бунин в Таллинне

⁹⁵ В «Последнем свидании» напечатано под заглавием «И.А. Бунин прибыл в Таллинн».

Газета «Сегодня», издававшаяся в Риге, 17.04.1938 по 11.05.1938

	17.07	18.04	19.04	20.04	21.04	22.04	23.04	24.04	25.04	26.04	27.04	28.04	29.04	30.04		
<u>Сегодня</u>	№ 107. С.9: Вечера И.А. Бунина в Балтийских странах				№ 110. С.6: Объявление о лекциях	№ 111. С.5:И.А. Бунин приехал в Каунас. С.6: Заметка: Два вечера И.А. Бунина в Русском театре		№ 113. С.2: Два часа с И.А. Буниным		№ 115. Два вечера И.А. Бунина в Русском театре	№ 116. С.6: Заметка: Банкет в честь И.А. Бунина – 29 апреля после его первого доклада	№ 117. С.2: И.А. Бунин. С.5. И.А. Бунин прибывает в Ригу сегодня вечером.	№ 118. С.5: В вагоне с Буниным, Приезд Бунина в Ригу, Сегодня первое выступление Бунина.	№ 119. С.5: Встречи И.А. Бунина с современниками		
	1.05		2.05		3.05		4.05		5.05	6.05	7.05		8.05	9.05	10.05	11.05
<u>Сегодня</u>	№ 120. С.9: Бунин о встречах с Шаляпиным и Толстым.		№ 121. С.5: Ив. Бунин в гостях у редакции «Сегодня».		№ 122. С.6: Второй вечер Ив.А. Бунина.		№ 123. С.8: О любви				№ 126: И.А. Бунин в Тарту (по телефону от таллиннского корреспондента «Сегодня»).					№ 130. С.4: И.А. Бунин в Таллинне и Тарту (по телефону от таллиннского корреспондента «Сегодня»).

**Реконструкция содержания
выступления Бунина «Встречи с
моими современниками»**

О Шаляпине

1. Последняя встреча Бунина и Шаляпина
2. Толстой о Шаляпине и «русскость» певца
3. Бунин и Шаляпин перешли «на ты»
4. Богатырство Шаляпина
5. В гостях на Капри

Эпизоды из
«Последних
новостей»

~~×~~ Эпизод знакомства Шаляпина с Чеховым. -

~~×~~ Фотографирование Шаляпина, Бунина,
Андреева, Горького...

8. Коленопреклонение перед царем

~~×~~ Случай в Михайловском театре

~~×~~ Последний концерт в Париже

Эпизоды из
«Иллюстрированн
ой России»

Встречи с моими современниками⁹⁶

О Шаляпине

Сопоставление опубликованного текста Бунина с пересказом его выступления в газетах и мемуарах

<u>Газеты, воспоминания очевидцев</u>	<u>Бунин «Шаляпин». Иллюстрированная Россия. 1938.</u>
Сегодня. № 114: «Еще два месяца назад писатель сидел у Шаляпина, который уже тогда был болен. Но ничто не предвещало близкого конца. Шаляпин был бодр, как всегда шутил, много смеялся, не щадил сил и говорил, говорил без конца».	-
Сегодня. № 114: «Бунин критически относился к модной в свое время тенденции гордиться низким происхождением и щеголять родством с низами. Как-то Шаляпин показал мне фотографическую карточку своего отца, - рассказывает Бунин, - На карточке был изображен рослый мужчина в крахмальной сорочке с отложным воротником и галстуком, в енотовой шубе нараспашку. Служил отец Шаляпина в земской управе. Сказать, чтобы эта фотография говорила о том, что Шаляпин поднялся с самого дна, - нельзя».	-
Сегодня. № 114: «Рассказал Бунин также о том, как произошло их знакомство, превратившееся потом в тесную дружбу, как не щадил себя Шаляпин, с истинно гениальной расточительностью тративший свои физические силы».	-

⁹⁶ Разными цветами выделены схожие места в тексте оригинала и в пересказе журналистов и мемуаристов.

<p>Сегодня. № 114: «Рассказал также Бунин об общеизвестном случае с Шаляпиным, когда он вместе с хором опустился на колени на сцене Мариинского театра перед царской ложей...»</p>	<p>«- Как же мне было не стать на колени? - говорил он. - Был бенефис императорского оперного хора, вот хор и решил обратиться на высочайшее имя с просьбой о прибавке жалованья, которое было просто нищенским, воспользоваться присутствием царя на спектакле и стать перед ним на колени. И обратился и стал. И что же мне, тоже певшему среди хора, было делать? <...> Одному торчать над всем хором телеграфным столбом? Ведь это же был бы форменный скандал!»</p>
<p>Сегодня. № 114: «...рассказал также о том, как Шаляпин приезжал на Капри, где он поразил итальянцев своим пением».</p>	<p>-</p>
<p>Постимеэс. № 126: Выступающий был с Шаляпиным еще полтора месяца назад, когда тот уже был болен, но несмотря на свою болезнь был полон сил и энергии. Описывая Шаляпина, выступающий назвал его северно-русской натурой, которой был Ломоносов и другие русские с севера. Однако он подчеркивает, что в Шаляпине текла и кровь викингов. У него было очень крепкое здоровье.</p>	<p>-</p>
<p>Постимеэс. № 126: Он любил подчеркивать свою русскость и низкое происхождение. Хотя на самом деле он не был такого низкого происхождения.</p>	<p>-</p>

<p>Постимеэс. № 126: Бунин не помнит, когда в первый раз познакомился с Шаляпиным, но помнит, как в одном московском ресторане-трактире они перешли на ты. В большом зале ресторана что-то наигрывал оркестр. Вдруг появился Шаляпин, высокого роста, с длинными желтыми волосами. Он подал знак, чтобы оркестр прекратил играть, а сам продолжил ту же самую песню один. Потом начала порядочная попойка. Когда пришло время расходиться, Шаляпин, несмотря ни на какие протесты, сказал, что хочет отнести Бунина в его номер на пятый этаж. Туда Шаляпин велел принести еще бутылку столетнего бургундского вина и заплатил за это сто рублей. Вино, однако, было слишком старым и походило на малиновый сок.</p>	-
<p>Постимеэс. № 126: Еще он рассказал, что Шаляпина пару раз охватил песенный порыв, хотя сам он говорил, что только птицы бесплатно поют.</p>	-
<p>Вера Шмидт. Воспоминания: Вернувшись на сцену, Бунин стал у самой рампы и рассказывал о Шаляпине (с которым был знаком в России и виделся в Париже). Но на этот раз я так плохо слушала, что почти ничего не запомнила, кроме того, что однажды, при их встрече еще в Москве, Федор Иванович внес Бунина на руках на третий этаж гостиницы».</p>	-
<p>Пяэвалехт. № 126: Что касается пения Шаляпина, то на это Толстой сказал: «Он поет слишком громко».</p>	-
<p>Пяэвалехт. № 126: Будучи больным в Париже, Шаляпин со слезами слушал свое пение по граммофону, говоря: «Неплохо пел этот мужчина».</p>	-
<p>*Шумаков. С. 34: «Писатель закончил свое повествование словами:</p>	<p><i>*NB! В газетах не найдено упоминаний о том, что Бунин был на похоронах у</i></p>

<p>«Когда мы увидели его на смертном одре, мы не могли его узнать, лежал не колосс Шаляпин, а осунувшийся, изможденный Дон-Кихот».</p>	<p><i>Шаляпина. Вероятно, цитата про Дон Кихота взята из газеты «Сегодня» за 17 апреля № 107. «Лицо его страшно исхудало, щеки ввали, губы тесно сжаты. Это – Дон Кихот последнего акта, Рыцарь Печального Образа, готовящийся к смерти...»</i></p>
--	---

<p align="center"><u>Газеты, Воспоминания очевидцев</u></p>	<p align="center"><u>Бунин. Его памяти. Последние новости. 1938.</u></p>
<p>Сегодня. № 114: «Он рассказывал о своих последних встречах с Шаляпиным и о последних днях великого артиста».</p> <p>«Еще два месяца назад писатель сидел у Шаляпина, который уже тогда был болен. Но ничто не предвещало близкого конца. Шаляпин был бодр, как всегда шутил, много смеялся, не щадил сил и говорил, говорил без конца».</p>	<p>В последний раз я видел его месяца полтора тому назад, навестил его, больного, вместе с М. А. Алдановым. Болен он был уже тяжело, но сил, жизненного блеска и царственности было в нем еще столько, что мы ушли пораженные. Он сидел в кресле в углу столовой, возле зажженной под желтым абажуром лампы, в широком черном шелковом халате, в красных туфлях, с высоко поднятым надо лбом коком, огромный и великолепный, как стареющий лев. <...></p>
<p>Сегодня. № 114: «Бунин критически относился к модной в свое время тенденции гордиться низким происхождением и щеголять родством с низами. Как-то Шаляпин показал мне фотографическую карточку своего отца, - рассказывает Бунин, - На карточке был изображен рослый мужчина в крахмальной сорочке с отложным воротником и галстуком, в енотовой шубе нараспашку. Служил отец Шаляпина в земской управе. Сказать, чтобы эта фотография говорила о том, что Шаляпин поднялся с самого дна, - нельзя».</p>	<p>И как его судить <...>, что любил он подчеркивать свои силы, свою удаль, свою русскость, равно как и то, «из какой грязи попал он в князи»? Раз он показал мне карточку своего отца:</p> <p>- Вот посмотри, какой был у меня родитель. Драл меня нещадно!</p> <p>Но на карточке был весьма благопристойный человек лет пятидесяти, в крахмальной рубашке с отложным воротничком и с черным галстучком, в енотовой шубе, и я усумнился: точно ли драл? <...> Думаю, что несколько прикрашено и вообще все детство, все отрочество Шаляпина в его воспоминаниях, прикрашены друзья и товарищи той поры его жизни...</p>
<p>Сегодня. № 114: «Рассказал Бунин также о том, как произошло их знакомство, превратившееся потом в тесную дружбу, как не щадил себя Шаляпин, с истинно гениальной расточительностью тративший свои</p>	<p>Как-то неслись мы с ним на лихаче по зимней ночной Москве из «Праги» в «Стрельну»: мороз – градусов тридцать, лихач мчит во весь опор, а он сидит во весь свой богатырский рост, распахнувши на груди шубу, говорит и</p>

физические силы».	хохочет во все горло, жжет папиросу за папиросой, аж искры летят по ветру.
Сегодня. № 114: «Рассказал также Бунин об общеизвестном случае с Шаляпиным, когда он вместе с хором опустился на колени на сцене Мариинского театра перед царской ложей, рассказал также о том, как Шаляпин приезжал на Капри, где он поразил итальянцев своим пением».	-
Постимеэс. № 126: Выступающий был с Шаляпиным еще полтора месяца назад, когда тот уже был болен, но несмотря на свою болезнь был полон сил и энергии. Описывая Шаляпина, выступающий назвал его северно-русской натурой, которой был Ломоносов и другие русские с севера. Однако он подчеркивает, что в Шаляпине текля и кровь викингов . У него было очень крепкое здоровье.	Какая была в нем кровь? Та особая северно-русская, что была в Ломоносове, в братьях Васнецовых... И, несомненно, еще и какая-то другая, не русская, а варяжская , как мне кажется.
Постимеэс. № 126: Он любил подчеркивать свою русскость и низкое происхождение. Хотя на самом деле он не был такого низкого происхождения.	см. выше
Постимеэс. № 126: Бунин не помнит, когда в первый раз познакомился с Шаляпиным, но помнит, как в одном московском ресторане-трактире они перешли на ты. В большом зале ресторана что-то наигрывал оркестр. Вдруг появился Шаляпин, высокого роста, с длинными желтыми волосами. Он подал знак, чтобы оркестр прекратил играть, а сам продолжил ту же самую песню один. Потом начала порядочная попойка. Когда пришло время расходиться, Шаляпин, несмотря ни на какие протесты, сказал, что хочет отнести Бунина в его номер на пятый этаж. Туда Шаляпин велел принести еще бутылку столетнего бургундского вина и заплатил за это сто рублей. Вино, однако, было слишком старым и походило на малиновый сок.	<p>Когда и где мы познакомились, не помню. Но помню, что перешли на ты однажды ночью в Большом Московском Трактире. <...> И вот на пороге зала вдруг выросла огромная фигура желтоволосого Шаляпина. Он орлиным взглядом окинул оркестр - и вдруг взмахнул рукой и подхватил то, что он играл и пел. <...> Пили мы в ту ночь до утра, а утром, выйдя из ресторана, остановились, прощаясь и целуясь на лестнице в гостиницу, и он вдруг мне сказал таким волжским тенорком:</p> <p>- Думаю, Ваня, что ты очень выпивши, и поэтому решил поднять тебя в твой номер на своих собственных плечах. <...></p> <p>И, действительно, донес, как я ни отбивался. А донеся, угостил – потребовал через дежурного коридорного бутылку "столетнего" бургундского за целых сто рублей (которое, увы, оказалось похожим на малиновую воду).</p>

<p>Постимеэс. № 126: Еще он рассказал, что Шаляпина пару раз охватил песенный порыв, хотя сам он говорил, что только птицы бесплатно поют.</p>	<p>Так пел он однажды и у нас в гостях, на Капри <...>. После обеда Шаляпин вдруг вызвался петь (хотя делал это редко, любил говорить: «Бесплатно только птички поют»).</p>
<p><u>Вера Шмидт. Воспоминания:</u> Вернувшись на сцену, Бунин стал у самой ramпы и рассказывал о Шаляпине (с которым был знаком в России и виделся в Париже). Но на этот раз я так плохо слушала, что почти ничего не запомнила, кроме того, что однажды, при их встрече еще в Москве, Федор Иванович внес Бунина на руках на третий этаж гостиницы».</p>	<p>см. выше</p>
<p><u>Пяэвалехт. № 126:</u> Что касается пения Шаляпина, то на это Толстой сказал: «Он поет слишком громко».</p>	<p>Толстой, в первый раз послушав его пение, сказал: - Нет, он поет слишком громко.</p>
<p><u>Пяэвалехт. № 126:</u> Будучи больным в Париже, Шаляпин со слезами слушал свое пение по граммофону, говоря: «Неплохо пел этот человек».</p>	<p>Потом завел граммофон, стал ставить напетые им в прежние годы пластинки и слушал самого себя со слезами на глазах, бормоча: - Неплохо пел! Дай бог так-то всякому!</p>

О Толстом

Сопоставление опубликованного текста Бунина с пересказом его выступления в газетах и мемуарах

<u>Газеты, воспоминания очевидцев</u>	<u>И.Бунин. Освобождение Толстого. VI глава.</u>
<p>Яунакас Зиняс. № 96: Наиболее привлекательным был его рассказ о Льве Толстом, последователем которого в молодости был и Бунин; он даже предпринял продажу запрещенных произведений Толстого, за что был приговорен русским правительством к трем месяцам тюремного заключения</p>	<p>«Я решился на более смелое дело: стал иногда, пользуясь свободой своей службы, отправляться в странствия по губернии, торговать "Посредником" по ярмаркам, по базарам, где и был однажды задержан урядником "на предмет составления протокола за торговлю без законного на то разрешения"». «Меня приговорили к трем месяцам тюремного заключения, и я был, понятно, очень рад, что наконец-то и мне удастся "пострадать"».</p>
<p>Сегодня. № 120: Последняя часть была посвящена Толстому. Его Бунин хорошо знал и, как говорит сам писатель, он рано начал мечтать о счастье видеть его. Портреты Черткова, Софьи Андреевны, толстовцев Клопского, Хилкова, Волкенштейна и, наконец, самого Льва Николаевича были набросаны Буниным с такой яркостью и жизненностью, что, казалось, видишь живых людей перед собой, разговариваешь с ними, дышишь с ними одним воздухом. Особенной силы и выразительности достигли те места доклада, когда он говорил о своем давно минувшем увлечении толстовством, о том, как писатель в стремлении к опрощению работал подмастерьем бочара и торговал книгами.</p>	<p>«Я видел "самого" Черткова. Это был высокий, крупный, породистый человек с небольшой, очень гордой головой, с холодным и надменным лицом, с ястребиным, совсем небольшим и прекрасно сформированным носом и с ястребиными глазами. Софья Андреевна была очень талантлива художественно, - то ли от природы, то ли от того, что прожила три четверти жизни с Толстым».</p> <p>«Первый, кого я узнал в Полтаве, был некто Клопский, человек довольно известный в то время среди толстовцев и даже попавший в герои нашумевшей тогда повести Коронина "Учитель жизни"».</p> <p>«Вскоре вся "братия" смотрела на меня уже как на своего, и Волкенштейн - это было в самом конце девяносто третьего года - вдруг пригласил меня ехать с ним сперва к "братьям" в Харьковскую губернию, к мужикам села Хилково, - принадлежавшего известному толстовцу князю Хилкову, - а затем в Москву, к самому Толстому».</p>
<p>Постимеэс. № 126: Бунин мечтал увидеть Толстого с ранней молодости. Но как с ним познакомиться, и может, даже остаться в числе его приближенных – это был уже сложный вопрос. «Ведь я не мог приехать в</p>	<p>В ранней молодости я был совершенно влюблен в него, в тот мной самим созданный образ, который томил меня мечтой увидеть его на яву. Мечта эта была неотступная, но как я мог тогда осуществить ее? Поехать в Ясную</p>

<p>Ясную Поляну просто так и сказать, Лев Николаевич, я приехал вас увидеть».</p>	<p>Поляну? Но с какой стати, с какими глазами? «Что вам угодно, молодой человек?» - спросят меня в Ясной Поляне.</p>
<p>Постимезс. № 126: Бунин много слышал о Толстом, так как его участвовал вместе со Львом Николаевичем в Крымской войне. Отец также с удовольствием рассказывал, как соседи читают «Войну и мир»: Один читает только войну, другой – только мир. То есть один читает только то, что касается войны, пропуская страницы, касающиеся мира; другой читает, наоборот, что все, что касается мира, пропуская важные места о войне.</p>	<p>Между прочим, помню, что отец нередко смеялся, рассказывая, как читают «Войну и мир» наши соседи помещики: один читает только «Войну», а другой только «Мир», - один, читая, пропускает все, что касается войны, а другой - наоборот.</p>
<p>Постимезс. № 126: Как и многие другие в то время, Бунин стремился стать толстовцем, стараясь жить просто, кушая простую пищу, в основном растительную.</p>	<p>«Позднее, страстно мечтая о чистой, здоровой, «доброй» жизни среди природы, собственными трудами, в простой одежде, главное же, опять-таки от влюбленности в Толстого, как художника, я стал толстовцем...»</p>
<p>Постимезс. № 126: И когда, наконец, его взяли с собой в Москву к Толстому – то ехали они в третьем классе, с пересадками – ведь принцип толстовцев заключался в опрощении и в том, чтобы как можно больше соприкоснуться с простым народом.</p>	<p>Трудно это было путешествие. Ехали мы в третьем классе, с пересадками, все норовя попадать в вагоны наиболее простонародные. Ели «безубойное», то есть чорт знает что, хотя Волкенштейн иногда и не выдерживал, вдруг бежал к буфету и с страшной жадностью глотал одну за другой две-три рюмки водки, закусывая и обжигаясь пирожками с мясом.</p>
<p>Постимезс. № 126: Его провели в зал. Там появился Толстой. Его взор, внешность и поведение могли показаться с первого взгляда, как у руководителя. Но как только он начал говорить, сразу исчезло это впечатление. Толстой спросил – не сыном ли военного Бунина он приходится и не пишет ли он? Потом дал совет – пишите тогда, если вам это нравится, но это никак не может быть целью жизни. Услышав о том, что Бунин тоже толстовец, сказал опять – не делайте из этого себе мундира, хорошим человеком можно быть в любом образе жизни.</p>	<p>«А в зале я удивляюсь еще больше: едва вхожу, как в глубине ее, налево, тотчас же, не заставляя меня ждать, открывается маленькая дверка и из-за нее быстро, с неуклюжей ловкостью выдергивает ноги, выныривает, - ибо за этой дверкой было две-три ступеньки в коридор, - кто-то большой, седобородый...»</p> <p>«- Бунин? это с вашим батюшкой я встречался в Крыму? Вы что же, надолго в Москву? Зачем? Ко мне? Молодой писатель? Пишите, пишите, если очень хочется, только помните, что это никак не может быть целью жизни...»</p> <p>«Хотите жить простой, трудовой жизнью? Это хорошо, только не насилуйте себя, не делайте мундира из нее, во всякой жизни можно быть</p>

<p>Постимезс. № 126: «После он еще неоднократно встречался с обществом толстовцев. Они считали, что у человека нет права комара убить, даже когда он сосет кровь человека ...Ни одно живое существо нельзя убить. Такие темы часто обсуждали. Раз в обществе Толстому задали вопрос – как быть и что делать, если тигр набросится и сожрет тебя, если ты его сразу не убьешь. У тигра есть право на убийство, а у человека нет. Толстой улыбнулся и сказал утешительно – Я уже старый человек и никогда не видел тигра».</p>	<p>хорошим человеком...»</p> <p>- Лев Николаевич, но что же я должен был бы делать, неужели убивать, если бы на меня напал, например, тигр? Он в таких случаях только смущенно улыбался: - Да какой же тигр, откуда тигр? Я вот за всю жизнь не встретил ни одного тигра...</p>
<p>Постимезс. № 126: Однажды Толстого пригласили в общество трезвости. Толстой удивился такому собранию и сказал – если уж люди собираются, то надо пить, иначе нет смысла собираться, чтобы не пить.</p>	<p>- Вот всюду возникают теперь эти общества трезвости... Он сдвинул брови: - Какие общества? - Общества трезвости... - То есть, это когда собираются, чтобы водки не пить? Вздор. Чтобы не пить, незачем собираться. А уж если собираться, то надо пить. Все вздор, ложь, подмена действия видимостью его...</p>

Ivan Bunini visiit Eestisse ja selle vastuvõtt kohaliku kuulajaskonna poolt

Kokkuvõte

Käesolevas töös käsitletakse Nobeli preemia esimese vene laureaadi Ivan Bunini visiiti Balti riikidesse ja eriti Eestisse.

Esimeses peatükis kirjeldatakse Balti ringreisi tausta. Sellele eelnes reis Euroopasse aastatel 1935-1937 kirjastuse äriasjade korrastamiseks. Tol ajal olid Buninil majanduslikud raskused, mida ta lootis autoriõiguste müügi kaudu lahendada. Kuid asjad ei läinud nii hästi ning aastal 1938 suundus kirjanik loengutega Leedusse (Kaunasesse), Läti (Riia, Daugavpils) ja Eestisse (Tartusse ja Tallinna).

Esimeses peatükis keskendusime Bunini visiidile Tartusse, kus kirjanik viibis 6 päeva. Et süveneda sellesse viibimisse ja teada saada, millised sidemed olid Buninil kohaliku intelligentsiga, tõime välja kõik teadaolevad allikad selle teema kohta: J. Šumakovi kogumik „Viimane kohtumine“, V. Šmidti mälestused ja kirjavahetus Buniniga, T. Miljutina memuaarid, I. Bunini ja M. Karamzina kirjad ning kohaliku ajakirjanduse materjalid. Nende allikate alusel püüdsime mõista, mis vastab reaalsusele ja mis on memuaristide fantaasia. Analüüsi käigus jõudsime järeldusele, et Šumakovi mälestused, avaldatud kogumikus „Viimane kohtumine“, ei ole meie arvates usaldusväärne allikas. Šumakovi memuaarid sisaldavad müüte (eeskätt Bunini ja Tammsaare kohtumise interpretatsioon) ja kutsuvad esile ka uusi, kujundades Bunini külaskäigust üksikasjalikuma allika illusiooni, millele tuginevad järgmised uurijad.

Teises peatükis keskendusime Bunini loengute sisule. Tema kavas oli kaks õhtut: „Kohtumised mu kaasaegsetega“ ja „Armastusest“. Esimesel õhtul jagas Bunin oma mälestusi ning teisel õhtul luges novelle. Käesolevas peatükis käsitlesime mälestuste õhtut, kuna Eestis pidas kirjanik ainult seda ettekannet. Et teha kindlaks, mida jutustas Ivan Bunin publikule, tõime välja vene ja eesti ajakirju, mis olid ilmunud 1938. aasta maikuul, ning V. Šmidti mälestusi.

Materjale analüüsid, saime teada, et Nobeli preemia laureaat luges essee „Tema mälestuseks“, mis oli kirjutatud Balti riikide visiidi eelõhtul seoses Šaljapini surmaga, ja VI peatükki hiljuti ilmunud raamatust „Tolstoi vabanemine“. Tähtis oli meie jaoks see, et Bunin luges varem avaldatud teoseid vastupidiselt publiku ootustele.

Bunin oli avaldanud isegi kaks esseed Šaljapinist enne Baltimaadesse siirdumist. Kusjuures ettekandeks valis ta kahest tekstist just selle, mis oli varem trükitud ja kahtlemata jõudnud kirjaniku tulekuks Leedusse, Lätti ning Eestisse. Me oletame, et Bunin tahtiski publikule tuntud tekstid ette lugeda, andes neile oma elava esinemisega uue vormi, teise elu.

Mälestuste peategelaste valikut selgitasime me sellega, et mõlemad olid kuulajaskonnale lähedased – Lev Tolstoid võisid paljud Venemaal kohata, Fjodor Šaljapin oli oma kontsertidega Balti riike mitu korda külastanud. Lisaks sellele olid mõlemad tegelased vene kultuuri silmapaistvad esindajad. Vene emigrantide jaoks olid need tegelased kallid kui Venemaa sümbolid, kui mälestus kaotatud isamaast. Sama oli ka Bunin – esimene Nobeli preemia vene laureaat, kes elas võõral maal. Kõik see sai Bunini õhtute eduks – saalid olid publikuga täidetud, enamik vaatajaskonnast oli esinemisega rahul. Samu sõnu ei saa aga Bunini kohta öelda.

Kirjanik suundus reisile Balti riikidesse raha teenimiseks. Vaatamata sellele, et loengutel oli publikupoolne huvi suur, majanduslikus mõttes oli see projekt läbikukkunud. Tuur oli ilmselt halvasti korraldatud ning eelarve seisukohalt kehvasti arvestatud – tuli tasuda reisi, ööbimise, saali üüri ja esinemistest makstavate maksude eest. Selle tulemusena ei saanudki kasum märkimisväärseks osutada.

Meie analüüs näitab, et iga uus esmaallikatele pöördumine ja laiema konteksti kaasatoomine (antud juhul – kirjaniku Euroopa reis) võimaldavad esmapilgul teadaolevaid fakte teistmoodi interpreteerida.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina Jevgenia Savina (22.06. 1991)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose „Ivan Bunini visiit Eestisse ja selle vastuvõtt kohaliku kuulajaskonna poolt“, mille juhendaja on prof. L. Kisseljova,
 - 1.1.reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;
 - 1.2.üldsusele kättesaadavaks tegemiseks Tartu Ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu alates **06.06.2013** kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.
2. olen teadlik, et nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus, **28.05.2013**